Забытый.
Рождение
стража
Кит Глубокий

Кит Глубокий

Забытый. Рождение стража

Серия «Забытый», книга 1

https://litres.ru/73252478
SelfPub; 2026

Аннотация

В книге «Забытый. Рождение стража» читатель окунётся в мир, где реальность под угрозой. Главный герой, Виктор, оказывается в Пещере — Сердце Мира, где сталкивается с чужеродной силой, угрожающей разрушить основы мироздания.Виктор — последний Страж, и на его плечи ложится тяжёлая ноша — защита мира от надвигающейся угрозы. Ему предстоит принять непростое решение и отправить послание, которое может изменить судьбу всего мира.В книге переплетаются элементы фэнтези, магических академий и попаданцев. Читателей ждёт захватывающее путешествие в мир, где магия и драконы — не просто вымысел, а реальность, с которой приходится сражаться.

Содержание

Глава 1 Трещина в мироздании 4
Глава 2 Непредвиденные последствия 10
Глава 3 Осознание себя 24
Глава 4 Дуэль 38
Глава 5 Экзамены 55
Глава 6 Реванш 68
Глава 7 Цена молчания 85
Глава 8 Переход 102
Глава 9 Ритмы и Тени 117
Глава 10 Экзамен на Разложение 132
Конец ознакомительного фрагмента. 145

Кит Глубокий
Забытый. Рождение стража

Глава 1 Трещина в мироздании

Пещера. Не пустота под горой, а Сердце Мира. Здесь воздух был не воздухом, а сгустком тягучего потенциала, его можно было не вдыхать, а впускать в себя, как ледяной, сияющий нектар. Стены не были каменными — они состояли из спрессованного света, вечного и немого, перетекающего в узоры, которые мозг отказывался воспринимать как нечто цельное. Здесь царил Фундаментальный Гул — низкочастотное биение самой Печати Стирода, звук, который ощущался костями больше, чем ушами. Это был звук порядка, насильственно вписанного в хаос, и обычно он давал Виктору ощущение незыблемого, пусть и хрупкого, спокойствия.

Но не сегодня.

Сегодня Гул был нечистым. В его ровную, титаническую частоту вплеталась чужая нота — тонкая, визгливая, словно трель разрываемого металла. Виктор стоял в своей обычной позе для «Медитации Слоёв», но вместо плавного погружения в гармонию Пульсации Энергии и Дыхания Границы, его сознание, отточенное «Внутренним Зрением Стражей», наткнулось на шероховатость. Не точку усталости, не потуск-

нение узора. Это была рана.

Он углубил восприятие, активировав «Чтение Ткани». Луч его внимания, обычно скользивший как ладонь по шелчку, теперь наткнулся на зазубрину, на разрыв. И не на поверхности. Трещина уходила внутрь, в самые глубинные пласты заклятья, как червоточина в алмазе. Она пульсировала, и с каждой пульсацией из неё сочился не свет, а его противоположность — воронка тишины и холода, высасывающая жизнь из сияющих вокруг линий. По спине у Виктора пробежал ледяной пот. Аксиома мира дала трещину.

«Стражи не дрогнут», — прошипел он, вцепляясь в свой Якорь — образ отцовской мастерской, где царил выкованный упрямством порядок. Но якорь дрожал, как в бурю.

И тогда из сердца трещины, словно гной из нарыва, выдавило Тварь.

Она не вылезла и не материализовалась. Она проступила, искажая вокруг себя сияние Печати, заставляя его мутнеть и темнеть. Это был сгусток движущейся пустоты, абрис чего-то многоногого и многорукого, сотканный из теней, которые отбрасывало само небытие. Вместо глаз — две воронки, втягивающие в себя свет и, казалось, саму надежду. Воздух вокруг неё завихрился, наполняясь запахом озона, серы и сладковатой гнили давно умерших звёзд.

— Назад! — крикнул Виктор, и его голос, обычно такой уверенный, прозвучал чужим и хрупким в гулком пространстве Пещеры.

Тварь ответила не звуком. В его разум ударила волна чистого, бесцельного голода. Это не было желанием поглотить плоть или душу. Это была жажда поглотить существование, законы, саму ткань реальности. Виктор отпрянул, едва удерживаясь от паники.

Инстинкт взял верх. «Слово Огня!» — вырвалось у него, и сгусток магического пламени, раскалённый добела, ринулся на пришельца.

Но тварь не уклонялась. Она раскрылась, подобно чёрному цветку, и поглотила огонь. На миг её абрис вспыхнул изнутри алым светом, став ещё чудовищнее и реальнее. Она воспользовалась его же энергией, чтобы укрепиться в этом мире. Затем одна из её тенеподобных «лап» вытянулась с невероятной скоростью, превратившись в шип, и рванулась к Виктору.

Мысль о «Круге Вечного Движения» мелькнула и погасла — атака была слишком прямой, слишком насыщенной чужеродной силой, чтобы её чисто перенаправить. Вместо этого Виктор среагировал, как научил Гримуар в самые отчаянные моменты тренировок. Он не блокировал. Он свернулся в «Нешагающем Переходе», но не для ухода, а на долю микросекунды сместив фазу своего существования. Теневой шип прошел сквозь то место, где он только что был, оставив в воздухе полосу вымороженного пространства, покрытую инеем.

Время на раздумья кончилось. Тварь, почуяв неудачу, издала первый звук — скрежет ломающихся пространств, и ри-

нулась вперёд всем своим нестабильным телом, намереваясь просто накрыть его, поглотить.

Отчаяние и ярость слились воедино. Виктор собрал всю свою волю, весь страх за этот хрупкий мир, в один точный, сокрушительный узел. Он не просто толкнул. Он применил «Импульс Силы», но не как простой магический тычок. Он вложил в него принцип «Трещины Отзвука» — послал вибрацию не в тело твари, а в ту самую пульсирующую точку в трещине, откуда она вышла, в её «пуповину».

Эффект превзошёл ожидания. Раздался не взрыв, а всхлип реальности. Тварь замерла, её форма задрожала, стала течь, как испорченная краска. Казалось, она вот-вот рассыплется.

Но в этот миг Гул Печати надломился. Ударная волна от его собственного, слишком мощного вмешательства, отразившись от ослабленной трещины, ударила обратно в неё же. Послышался чистый, высокий звук — хруст ломающегося хрусталя. Сияющая ткань Печати вокруг раны померкла, словно погасла, а сама трещина с ужасающим шипением разошлась, став шире и чернее. Он не убил угрозу извне — он нанёс удар самой защите мира.

Тварь, лишившись связи с источником, сколлапсировала в маленькую, дымящуюся чёрную точку и исчезла. Но цена была ужасна. Рана зияла. Из неё теперь не сочилось, а веяло ледяным дыханием Пустоты.

В наступившей давящей тишине, нарушаемой лишь этим

ужасным «дыханием», в его сознании, холодное и ясное, как лезвие, прозвучал голос Гримуара:

«Констатация. Локальное вторжение отражено. Целостность барьера критически нарушена. Твои методы… непригодны для исцеления. Требуется вмешательство иного порядка. Или иные руки.»

— Что делать? — мысленно выдохнул Виктор, не в силах оторвать взгляд от зияющей черноты. Его тело дрожало от перенапряжения и осознания содеянного.

«Предки… в моменты края… отправляли весть. Крик в бездну надежды. Ритуал крови и свитка. Используй последние крохи магии этого места, пока резонанс ещё не угас. Но выбирай слова как семена. Они должны прорасти в правильном сознании.»

Виктор кивнул, чувствуя тяжесть последней соломинки. Он достал из складок плаща небольшой пустой свиток и свой церемониальный кинжал — простой, с рукоятью из чёрного дерева. Лезвие блеснуло в сиянии Пещеры. Он не колеблясь провёл им по ладони. Боль была острой, чистой, якорной. Капля его крови, крови последнего Стража Морингтонов, тёмно-алая, почти чёрная в этом свете, упала на пергамент.

Он начал писать. Не буквы, а знаки-сигнатуры, которым научил его Гримуар — язык сути, а не формы. Кончик ножа, смоченный в его жизни, выжигал их на поверхности. Каждое слово было сгустком отчаяния, долга и последней надежды.

«ТРЕСКАЕТСЯ ОСНОВА МИРА. ПЕЧАТЬ СТИРОДА РАНЕНА В СЕРДЦЕ. ГЛУБИНА ПУСТОТЫ СМОТРИТ ВНУТРЬ. Я, ВИКТОР ИЗ ДОМА МОРИНГТОНОВ, ПОСЛЕДНИЙ СТРАЖ, ДЕРЖУ ПОСТ У РАЗЛОМА. НО СТЕНА ОДНА, А ТЕНЕЙ — ЛЕГИОН. ВЕСТЬ ЭТУ ШЛЮ КРОВЬЮ ПОСЛЕДНЕГО ЗНАНИЯ. ЕСЛИ В МИРЕ ЕЩЁ ЖИВЫ ЗНАЮЩИЕ СЛОВА „ТРИ СЕРДЦА“ И „ВЕЕР ЗЕРКАЛЬНОЙ ПАУЗЫ“ — ВАШ ЧАС ПРОБИЛ. ИЛИ ЧАС ВСЕХ ОБОРОТИЛСЯ В ПЕПЕЛ.»

Он закончил, и свиток, пропитанный его кровью и волей, засветился изнутри тусклым золотом. Он прижал его к холодной стене у самой трещины, туда, где ещё пульсировали остатки магии места.

— «По нитям эха, через слои бытия, иди. Найди того, кто может услышать», — прошептал он, завершая Ритуал Отправления.

Свиток вспыхнул ярко-белым светом и растворился, не сгорев, а словно перейдя в иную фазу существования, унесённый последним ровным вздохом Пещеры в случайную точку мироздания.

Виктор опустился на колени перед трещиной, сжимая окровавленную ладонь. Он остался один. На страже у пропасти. С молитвой, отправленной в бездну, и с холодным кинжалом в руке — всем, что у него теперь было. А из разлома тянул ледяной ветер, шепчущий на забытом языке о конце всех вещей.

Глава 2 Непредвиденные последствия

Год до Трещины

Весна в Имперской Магической Академии «Аэлион» была временем, когда даже воздух звенел от накопленной энергии. Цветущие сиреневые дрены сбрасывали лепестки, похожие на забытые заклинания, а в библиотеках кипела предэкзаменационная лихорадка. Но Виктору Григу, ученику четвёртого курса факультета Энергетических Связей, было не до зубрёжки. Его мысли занимал проект, который должен был доказать и ему, и этим старикашкам-преподавателям, что он может возродить мощь древних магов.

Он не был богат, как отпрыски великих домов, щеголявшие в новомодных мантиях. Его тёмно-зелёный ученический кафтан был скромен и слегка поношен на локтях. Но у Виктора было то, чего не купить за золото: упрямство и умение видеть связи там, где другие видели лишь теорию. Он пять лет пробивался сюда с окраин, и теперь ему нужен был прорыв.

«Призыв элементаля Света низкого порядка, стабильная форма, с возможностью автономного следования за хозяином», — бормотал он, сверяясь с потрёпанным блокнотом. В общежитии над его идеей посмеялись: «Светляк? Это для

первокурсников, Григ!». Но Виктор задумал не просто шаровидный источник света. Он хотел создать разумное, пусть и примитивное, существо, связанное с ним на глубинном уровне. Ключ был в стабилизации ядра и привязке к намерению через кровь — метод, упоминаемый в древнейших гримуарах.

Местом для эксперимента он выбрал Забытый Уголок — дальнюю часть академического парка, где заросшие руины старой обсерватории создавали естественный магический фон, заглушающий мелкие энерговыбросы.

Полдень. Виктор расчистил небольшой участок земли, выложил круг из речного кварца и разместил в узловых точках пять капель собственной крови, что должно было связать будущее существо с его разумом. В центре круга лежал основной фокус — отполированный сферой горный хрусталь.

«Сначала инициирую поток, затем вдохну в матрицу искру намерения, а стабилизацию обеспечу резонансом с фоновыми лей-линиями…» — мысленно повторял он этапы.

Он сделал глубокий вдох и начал. Пальцы выписывали в воздухе сложные вязи, голос произносил слова призыва, иногда он срывался на хрип от волнения, но в нем была уверенность и упрямство. Кварцевый круг засветился изнутри. Капли крови взмыли над поверхностью на полметра и начали медленно кружиться, вытягиваясь в тонкие алые нити. Воздух зарядился статикой. В центре, над хрустальной сферой, начала клубиться яркая золотистая субстанция. Сердце Вик-

тора заколотилось от восторга. Получается, я действительно это смогу и докажу!

Но он упустил одну деталь. Прямо под местом его эксперимента, на глубине трёх метров, проходил магический канал «Корень Аэлиона» — главная артерия, питающая энергией дуэльные полигоны и щитовой купол академии.

В момент, когда Виктор попытался «вдохнуть» в рождающееся существо последнюю частицу собственного желания, стабилизация ядра дала сбой. Энергия его крови, смешанная с силой призыва, вместо того чтобы замкнуться в круге, рванула вниз, найдя микроскопическую брешь в защите канала и ...

Раздался не звук, а ощущение — будто гигантская струна, натянутая под землёй, лопнула. Земля под ногами Виктора вздыбилась. Кварцевый круг разлетелся на осколки. Алые нити крови испарились с шипением. Золотистый комок света с жалким писком рассеялся. А потом началось землетрясение.

Это было не катастрофическое сотрясение, но для академии — нечто неслыханное. С полигона донёсся гул падающего магического купола. Где-то звенели разбитые стёкла.

Виктор, бледный как мел, стоял посреди разгрома, с лицом, испачканным землёй. Он понимал. Это был он.

Через двадцать минут он уже стоял перед составом разгневанных преподавателей в кабинете ректора Аркториуса Велиса.

— …Колебания зафиксированы даже в Городском Магическом Совете! — гремел декан по безопасности, маг Гродд. — Полное отключение дуэльных щитов! Реставрация канала потребует сотен золотых крон! И всё это из-за какого-то… светового шарика?!

Виктор молчал, опустив голову, ну а что тут скажешь. Сейчас главная задача показать смерение и раскаяние, главное что бы не выгнали.

Ректор Аркториус, пожилой маг первой династической линии с глазами, похожими на два кусочка обсидиана, медленно листал его блокнот.

— Григ, — произнёс ректор тихо, но это прозвучало в голове Виктора как раскаты грома — Сообразительность — дар. Безрассудство — преступление. Ты хотел возродить древние методы? Ты едва не обрушил пол-академии.

— Твоё обучение не будет прервано, — продолжал он. — Лишение стипендии на год и общественный работы. С сегодняшнего дня ты будешь отвечать за наведение порядка в архивных и хозяйственных подвалах. Начиная с подвала номер семь. Как сообщает внутренняя компьютерная система учета и хранения, из-за колебаний там с полок попадало половина запасов и сорвало все защитные печати с хранилища ветоши. Полнейший беспорядок.

Виктор вздохнул с облегчением, смешанным с досадой. Отработка по уборке подвалов? Это унизительно, но не катастрофично.

Час спустя Виктор стоял перед массивной дубовой дверью с номером «VII». От Гродда пахло злобой и каплей вина.

— Вот. Чисти, сортируй, расставляй. Печати на дверях хранилища обновить по этому шаблону, — маг сунул ему в руки связку ключей, метлу и потрёпанный свиток.

С этими словами Гродд удалился.

Виктор вздохнул, открыл дверь. Его обдало запахом затхлости и пыли. В тусклом свете фонаря он увидел царство хаоса: покосившиеся полки, рассыпанные рулоны пергамента, разбитые склянки, груды пожелтевшей ткани. На полу — толстый слой пыли, перемешанной с осколками. И повсюду — сорванные защитные печати.

«Великие маги, — с тоской подумал Виктор. — Здесь можно просидеть до старости».

Он закатал рукава, взял метлу и с глухим раздражением сделал первый взмах, подняв облако пыли. Так Виктор Григ начал отбывать своё наказание.

Он не знал, что под слоем вековой пыли и ветоши в самом конце этого подвала, за грудой развалившихся пустых ящиков, находится неприметная трещина в полу. И что в этой трещине будет виднеться кусок древнего сундука, который перевернет его жизнь. А землетрясение, вызванное им, навсегда изменит его жизнь и позволит прикоснуться к структурам мироздания...

Три дня. Три бесконечных дня Виктор Григ провел в подвале номер семь, борясь с хаосом, который теперь казался

ему метафорой всей его жизни. Пыль въелась под ногти, в волосы, в легкие. Он уже научился безразлично смотреть на пауков размером с монету и механически произносить заклинание очистки, которое медленно, но верно возвращало порядок в один квадратный метр за раз.

К исходу третьего дня он добрался до дальней, северной стены подвала. Здесь беспорядок был особенно велик: массивные пустые ящики, когда-то, видимо, служившие упаковкой для каких-то громоздких магических инструментов, свалились один на другой, образовав баррикаду из грубо сколоченных досок, покрытых толстым, как войлок, слоем пыли. За ними, в темном углу, царила непроглядная тень. Именно сюда, согласно схеме уборки, нужно было добраться, чтобы проверить целостность дальней печати.

Ворча про себя о бессмысленности наказания, Виктор взялся за первый ящик. Дерево прогнило насквозь, и ящик рассыпался у него в руках с глухим стуком, подняв новое облако пыли. Он закашлялся, махнул рукой, чтобы рассеять мусор перед лицом, и продолжил работу, двигаясь медленно и осторожно.

Именно поэтому он не заметил трещину. Она зияла в каменном полу, скрытая под слоем обломков и тряпья — длинная, узкая расщелина, возникшая, без сомнения, во время того самого землетрясения. Когда Виктор, наконец, с трудом отодвинул последний крупный обломок и сделал шаг вперед, чтобы оценить масштаб работ у стены, его нога провалилась.

Не в бездну, а всего лишь по щиколотку, но этого хватило. Камень под ногой оказался неустойчивым, обломок, на который он собирался опереться, соскользнул. С глухим стоном, больше от досады, чем от испуга, Виктор рухнул на бок, пытаясь ухватиться за что-нибудь. Страшный, сухой щелчок, отдавшийся в костях, и волна белого, обжигающего боли прокатилась по его правой ноге от лодыжки до колена. Он вскрикнул, закусив губу, и рухнул на холодный камень.

Тишина подвала, прежде раздражающая, теперь стала зловещей. Его крик поглотили толстые стены, уставленные полками. Никто не придет. Проверка старейшины Гродда — только через четыре дня. Четыре дня в кромешной тьме, с переломанной ногой. Паника, холодная и липкая, начала подползать к горлу.

«Нет. Не сейчас. Соберись, Григ», — прошептал он сквозь зубы, стиснув их от боли. Он заставил себя дышать медленно и глубоко, как учили на курсе выживания. Боль отступила до тупой, пульсирующей волны. Он осмотрелся. Нога была зажата в самой трещине, ниже уровня пола. Камни сдвинулись, зафиксировав ее в неестественном положении.

Со слезами бессилия на глазах, он начал раскапывать свою же ногу. Делал это осторожно, руками, отбрасывая в сторону мелкие камни, щебень, комья затвердевшей грязи. Каждое движение отзывалось новой вспышкой боли. Он уже почти освободил лодыжку, когда его пальцы наткнулись не на камень, а на что-то гладкое, твердое и… резное.

Сердце его замерло на мгновение, забыв о боли. Он стал разгребать землю быстрее, с каким-то отчаянным энтузиазмом. Из щели, расширенной землетрясением, показался угол. Не каменный, а деревянный, но это была не простая древесина. Она была темной, как ночь, и на ее поверхности, едва различимая под наслоениями грязи, виднелась сложная инкрустация из потускневшего серебра, образующая странные, геометрические символы.

Сундук. Древний, крепкий, надежно замурованный когда-то в самое основание фундамента, а теперь частично открытый взбунтовавшейся землей.

Боль в ноге отступила на второй план перед жгучим любопытством. Кто и зачем спрятал его здесь? Что внутри? Сокровища? Запретные артефакты? Новая энергия прилила к его жилам. С трудом, опираясь на руки и здоровую ногу, он расчистил пространство вокруг находки. Сундук был небольшим, но невероятно тяжелым. Крышка, украшенная тем же серебряным узором, что и бока, была плотно пригнана, но замка на ней не было видно. Казалось, она представляла собой единое целое с корпусом.

Не раздумывая, повинуясь внезапному порыву, Виктор уперся ладонями в крышку и нажал. Ничего. Тогда он провел пальцами по серебряным линиям, пытаясь найти скрытый механизм, зацепку. Один из острых углов инкрустации впился ему в палец. Он вздрогнул и отдернул руку. На подушечке указательного пальца выступила ярко-алая капля кро-

ви.

«Великолепно, — с горькой иронией подумал он. — И ногу сломал, и теперь палец порезал». Капля крови скатилась и упала прямо в центр крышки, на едва заметную впадинку, которую он принял за часть узора.

В следующий миг мир изменился.

Серебряные линии на сундуке вспыхнули ослепительно-белым светом. Древесина затрещала, не от разрушения, а будто пробуждаясь от долгого сна. Крышка бесшумно отъехала в сторону. Виктор, зажмурившись от света, услышал глухой удар, и… он перестал существовать.

Не было потери сознания. Было ощущение, будто его выдернули из реальности, как лист из книги. Он не падал, не летел — он *переместился*. Одна картинка сменила другую: темный, пыльный подвал с его болью и беспорядком исчез, и его окружала теперь абсолютная, сияющая тишина.

Он стоял на ногах. На обеих. Боль в лодыжке исчезла. Он был в пещере. Но какой!

Пещера была огромной, куполообразной, и казалась созданной не природой, а разумом. Стены, пол и высокий потолок были отполированы до зеркального блеска и покрыты… Печатью. Здесь она была не фрагментом, а целым миром. Она жила на каждой поверхности, перетекала со стены на пол, вздымалась к своду, мерцая мягким, внутренним серебристо-золотым сиянием. Воздух был чист, прохладен и наполнен тихим, едва слышным гулким звуком, похожим на

биение гигантского сердца или на вибрацию струны, натянутой между мирами. В центре пещеры, прямо перед ним, на невысоком каменном пьедестале, лежал раскрытый гримуар. Тот самый, что он лишь мельком увидел в сундуке: массивный том в переплете из темной кожи, с металлическими уголками и такой же серебряной инкрустацией, что и на сундуке. Рядом с ним лежали и другие предметы из сундука: странного вида кристаллический жезл, несколько свернутых свитков в футлярах, серебряная чаша.

И из книги исходил голос. Не звук в ушах, а мысль, четкая и ясная, появляющаяся прямо в сознании.

Три тысячелетия забвения. И вот, наконец, капля. Жалкая, бледная, ничтожная… но искренняя. Кровь зовет кровь.

Виктор замер, не в силах пошевелиться. «Где я? Что это?» — пронеслось в его голове.

Ты в Сердце Мира, дитя. У последнего предела. Перед тем, что сдерживает Пустоту, — прозвучал ответ в его же мыслях. Страницы книги перелистнулись сами, без прикосновения, и на раскрытом развороте заиграл свет, складываясь в изображение планеты, окруженной сияющей паутиной. *Печать Стирода. И ты… последний, кто должен о ней заботиться.*

«Я?.. Виктор Григ. Ученик. Я никто. Я сломал ногу в подвале…» — бессвязно бормотал он вслух, чувствуя, как реальность уплывает из-под ног.

*Виктор… Григ?*Мысленный голос прозвучал с оттенком холодного, почти презрительного удивления. *Нет. Твое имя, отзвук твоего рода, было стерт временем. Но кровь не лжет. Ты носишь в жилах последние, выродившиеся крохи крови Дома Морингтонов. Стражей. Хранителей Врат.*

«Морингтоны? Это… это же легенда! Миф, как и сама Печать! Они сгинули тысячи лет назад!»

Сгинули. Да. Но не до конца. Род рассеялся, разбавился, забыл. Стал нищими, крестьянами, ремесленниками… и вот, учениками. Но искра осталась. И она, разбуженная твоим безрассудным выбросом силы, что потревожило самые основы, и твоей собственной кровью на Ключе-Сундуке, привела тебя сюда. Ко мне. К Последнему Наставнику.

Книга, «Последний Наставник», казалось, испускала легкую грусть. *Я — гримуар Ремаса Морингтона, последнего истинного Стража. Он запечатал меня и спрятал, когда понял, что род обречен, а знание должно пережить забвение. Он надеялся, что однажды кровь снова найдет путь. И она нашла. В лице невежественного мальчишки, умудрившегося чуть не разрушить то, что должен защищать.*

Стыд, жгучий и острый, смешался в Викторе с неподдельным изумлением. Землетрясение… его землетрясение… оно не просто повредило канал. Оно добралось сюда. До Печати.

«Я… я не хотел! Я просто экспериментировал!»

«Хотел бы ты возродить мощь древних? — мысль-голос

прозвучала с ледяной точностью, выуживая его же тайные амбиции. — Вот она, мощь древних. Не в ярких вспышках и ледяных копьях. А в этом тихом свечении, что стоит между твоим миром и вечным мраком. Ты искал силу? Поздравляю. Ты нашел величайшую обязанность во всем Стироде. И нашел ее в тот самый момент, когда твоими руками нанес ей первый урон.»

Виктор почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он медленно опустился на колени перед пьедесталом, уже не от боли, а от тяжести обрушившегося на него знания. Он смотрел на мерцающую печать на стенах, на эту титаническую, непостижимую работу. И он, Виктор Григ, нищий ученик, был… чем? Наследником этого?

«Я не могу, — прошептал он. — Я ничего не знаю. Я не умею. Меня выгонят из академии, если я…»

Академия? Мысленный голос был полон бездонного презрения. *Эти дети, играющие в магию, не знают, на какой тонкой пленке они резвятся. Они забыли. Мир забыл. Только Печать помнит. И теперь помнишь ты. С момента, когда твоя кровь коснулась Ключа, печать на тебе легла. Буквально. Посмотри на свою руку.*

Виктор посмотрел. На тыльной стороне правой ладони, там, где раньше ничего не было, теперь мерцал, то появляясь, то исчезая, крошечный, сложный символ — миниатюрная копия узора со стены. Он чувствовал его легкое, теплое покалывание.

Знак Стража. Он будет вести тебя, учить через меня. И он же будет напоминать. Ты теперь не Виктор Григ, ученик. Ты — Виктор, последний Страж. Твоя учеба только начинается. И первое, что ты должен узнать — как содержать в порядке то, что ты уже начал разрушать.

«Что мне делать?» — спросил Виктор, и в его голосе уже не было паники, лишь глубокая, усталая покорность судьбе, слишком огромной, чтобы с ней спорить.

Для начала — вернуться. Суметь открыть проход назад, используя ту же каплю крови и свою новую связь с местом. Потом — лечить ногу. А дальше… Дальше ты будешь приходить сюда, когда тебя не видят. Ты будешь изучать. Ритуалы поддержания, ибо после твоего "эксперимента" мне уже будет сложнее поддерживать печать и тебе придется ее обновлять. Историю Печати. Природу того, что с другой стороны. И ты будешь следить. Смотреть на стену в подвале, которая является лишь слабой проекцией этого места. Искать новые трещины. Потому что если они появятся там… то появятся и здесь. И тогда конец будет тихим, как сон, и всеобщим.

Гримуар замолчал, его страницы пошевелились. *Теперь коснись меня, Страж. Не пальцем. Волей.*

Виктор глубоко вдохнул. Он поднял руку со знаком и, глядя на древний том, не просто потянулся к нему, а *захотел* понять, *захотел* вернуться, чтобы начать этот невероятный, пугающий путь.

Его пальцы коснулись пергамента. Мир снова дрогнул и сменился. Он сидел на холодном полу подвала номер семь, среди разбросанных ящиков. Рядом зияла трещина, а в ней, чуть видимый, темнел угол того самого сундука. На руке мерцал знак. В голове стояла тишина, но он знал — она не пуста. Там теперь жило знание. И долг.

Он не просто отбывал наказание. Он находился на посту. Самом важном посту в мире. И теперь ему предстояло научиться нести эту вахту, балансируя между жизнью нищего ученика и судьбой последнего наследника древнейшего Дома. Впереди был год учебы, страха и тихого, одинокого наблюдения за трещиной в мироздании, которое он сам и начал раскалывать.

Глава 3 Осознание себя

Возвращение было похоже на пробуждение от странного, слишком реалистичного сна. Одна минута — сияющая пещера с голосом в голове, говорящим о судьбах мира. Следующая — холодный, пыльный подвал, боль в ноге, возвращающаяся с удвоенной силой, и слабое мерцание странного знака на руке. Но в памяти, как выжженные письмена, оставались слова Гримуара. И сундук, наполовину скрытый в земле, был зримым доказательством того, что это не галлюцинация.

Первым делом, стиснув зубы от боли, Виктор соорудил подобие шины из обломков ящиков и полосок грубой ткани со стеллажей. Действовал почти на автомате, мысли путались. Потом, с титаническим усилием, стал заваливать щель в полу и выступающий угол сундука тем же хламом, что и раскапывал. Это не было сокрытием — это была временная маскировка. «До лучших времен», — мрачно подумал он. Каждый толчок разбитой ногой отзывался пронзающим огнем в виске.

Когда баррикада из ящиков и тряпья надежно скрыла трещину и его находку от случайного взгляда, он позволил себе выдохнуть. Теперь надо было выбираться. Ползком, опираясь на руки и здоровую ногу, истерзав ладони и колени о каменные плиты, он добрался до двери подвала. Подъем по

лестнице на один этаж стал подвигом, достойным эпоса. Он делал это шаг за шагом, прыжками на левой ноге, цепляясь за перила, с холодным потом на спине. Чудом, ему не встретился ни один патруль или слуга. Была глубокая ночь.

В своей крошечной каморке в общежитии для небогатых учеников он рухнул на жесткую койку, даже не снимая запачканной пылью одежды. Знак на руке пульсировал в такт боли в ноге. Он смотрел в потолок, где трещина образовывала причудливый узор, и сознание отказывалось воспринимать реальность. Морингтон. Страж. Печать. Пустота. Эти слова кружились в голове, не находя места рядом с завтрашним семинаром по стабилизации потоков и долгом за библиотечные книги.

Сон не приходил. Когда первые лучи утра окрасили окно в грязно-серый цвет, Виктор понял: ему нужны ответы. И единственный, кто мог их дать, был там, внизу. Но сначала — нога. Ее нужно было вылечить, и сделать это так, чтобы не вызывать вопросов. В академической лазарете тут же раскусили бы магическое вмешательство, да и для простого перелома нужны были деньги на зелья, которых у него не было.

Он прикрыл глаза и, как учили на курсе ментальных техник, попытался войти в то состояние сосредоточенности, которое чувствовал в Пещере. Ничего. Только боль и хаос мыслей. Тогда он коснулся пальцами знака на руке.

В сознании, тихо, как шелест страниц, возник голос.

Ты жив. И ты помнишь. Это начало.

«Моя нога, — мысленно, сквозь стиснутые зуза, послал он. — Мне нужно ее вылечить. Научите меня. Вы говорили о ритуалах…»

Спешка — сестра провала. Древняя магия не терпит суеты. Она — не набор команд, как ваши жалкие «слова силы». Она — диалог с реальностью. Ты должен слушать, прежде чем говорить. Чувствовать, прежде чем приказывать.

«У меня нет времени на философию! Меня могут хватиться при отсутствии на занятиях, задать вопросы!»

И что они увидят? Нищего ученика с переломом. Это меньшее из зол, что может с тобой случиться. Теперь молчи и пытайся чувствовать.

Гримуар начал вести его через что-то вроде медитации. Не через сложные формулы, а через дыхание. Через осознание собственного тела, каждой его клетки, охваченной болью, и каждой — здоровой. Виктор, измученный и отчаявшийся, пытался. Но его разум, отточенный на четких, логичных академических схемах, безнадежно буксовал. Он пытался «силой воли» заставить боль утихнуть, «визуализировать» кость, как его учили на курсе целительства — яркой, белой, целой. Но это были мертвые картинки. Они не работали. Древняя магия, как объяснял Гримуар, требовала не представления, а *узнавания*. Принятия боли как части себя, а затем — мягкого убеждения тела вспомнить состояние целостности.

К вечеру второго дня Виктор был в ярости от собствен-

ной беспомощности. Он бил кулаком по тюфяку. Ничего не получалось! Знак на руке лишь холодно мерцал, как укор.

Ты пытаешься грести против течения, не зная реки, — прозвучал в его голове голос, в котором впервые появились ноты чего-то, отдаленно похожего на терпение. — Забудь все, чему тебя учили. Начинаем с самого начала. С фундамента. С того, что удержит тебя на плаву, когда реальность вокруг начнет меняться. С заклинания-якоря.

«Якоря?» — устало переспросил Виктор.

Слова, жеста, образа — не важно. Это твое внутреннее «нет» хаосу. Твой личный закон, который сильнее любого внешнего давления. У каждого Стража он был свой. Ремас Моринггтон использовал образ неподвижной звезды в центре урагана. Его отец — тишину на дне океана. Тебе нужно найти свой. Что для тебя является абсолютной, незыблемой истиной? Что остается, когда все рушится?

Виктор закрыл глаза. Что оставалось? Небогатый дом на окраине, где мать штопала его старые кафтаны? Нет, это была ностальгия, а не сила. Академия? Она могла его выгнать. Знание? Его как раз и не было. Отчаянье кольцом сжимало горло.

И тогда, сквозь пелену усталости и страха, в памяти всплыло нечто иное. Не образ, а *ощущение*. Тяжесть в руках и легкая боль в спине от целого дня, проведенного с отцом в мастерской по починке магических фокусов. Запах масел, металла и озонованного воздуха после разрядки испорчен-

ного кристалла. И отец, молча, с невозмутимым сосредоточением, разбирающий сложнейший артефакт, винтик за винтиком, невзирая на усталость. Не спеша. Не сдаваясь. Доводя до конца. **Порядок, выкованный упрямством.** Это было не пафосно. Это было правдой. Его правдой.

Это… приемлемо, — отозвался Гримуар, и Виктор почувствовал легкое удивление в этом мысленном тоне. — Грубо. Приземленно. Но искренне. Теперь воплоти это ощущение. Не думай. Просто будь в нем.

Виктор снова глубоко вдохнул. Но на этот раз он не пытался ничего визуализировать. Он позволил памяти плыть к тому чувству — тяжести инструментов, запаху мастерской, тихой, непоколебимой настойчивости отца — заполнить его. Он не произносил слов. Он просто *напомнил* самому себе, кто он есть. Не наследник великого рода, а сын ремесленника, умеющего разбирать сложные вещи на части и собирать их заново.

И случилось чудо. Знак на его руке вспыхнул ровным, теплым светом. Паника и боль не исчезли, но они отступили, как шумная толпа за четко очерченную черту. Внутри воцарилась тишина. Не пустота, а спокойная, сосредоточенная готовность. Это длилось всего несколько сердечных ударов, но Виктор впервые за двое суток по-настоящему выдохнул.

Якорь зацеплен. Запомни это состояние. Это твоя основа. Теперь, удерживая его на периферии сознания, как фон, обратись к боли.

На этот раз все было иначе. Он не боролся с болью. Он признал ее фактом, как признавал сломанную шестеренку в механизме. А потом, из того самого спокойного центра, начал «рассматривать» ее. Не как врага, а как поломку, требующую починки. Древняя магия исцеления, как объяснял Гримуар, это не наложение заплатки. Это убеждение тела *вспомнить* свою цельность. Нужно было найти в здоровых тканях «память» о правильном устройстве и мягко, настойчиво «напомнить» ее поврежденным клеткам.

Это была тончайшая, изнурительная работа. Он потел, дрожал от концентрации. Но якорь — то самое ощущение упорядочивающего упрямства — держал его. Час. Два. В комнате сгустились сумерки.

И кость срослась.

Не мгновенно, не с хрустом и сиянием, как в дешевых романах. Она просто… перестала быть сломанной. Боль сменилась глубокой, ноющей тяжестью, как после серьезной нагрузки. Он осторожно пошевелил пальцами, согнул ногу в колене. Движение давалось с трудом, мышцы были слабы и воспалены, но структура была цела. Это было чудо. Тихое, личное, невероятное.

На следующий день он, прихрамывая, но уже способный передвигаться с палкой, найденной в том же подвале, вернулся к своим обычным обязанностям. Баррикаду у стены он лишь укрепил, бросив на нее пару дополнительных, самых гнилых ящиков. Вид был такой, будто он просто сгреб хлам

в кучу, чтобы расчистить проход. Никаких вопросов не возникло.

Академическая жизнь, с ее суетой, расписанием и надвигающимися экзаменами, обрушилась на него с новой силой. И это стало его новой маскировкой. Виктор с головой ушел в подготовку. Он зубрил теорию магических матриц, решал сложные задачи по гармонизации разнонаправленных потоков, практиковал стандартные защитные жесты. Теперь это была не просто учеба. Это был щит. Чем лучше он будет успевать по программе, чем незаметнее будет его средний, но стабильный результат, тем меньше внимания он привлечет к себе. Ему нельзя было быть отчисленным. Ему нельзя было выделяться. Ему нужно было оставаться здесь, в этих стенах, под которыми спал величайший секрет мира.

По ночам, когда общежитие затихало, он снова и снова вызывал в памяти состояние якоря. Он не решался идти в подвал, боясь быть замеченным. Но он учился чувствовать. Иногда, в полной тишине, положив руку со знаком на холодную стену своей каморки, ему чудился отголосок того мерного, гулкого биения из Пещеры. Это напоминало ему, что экзамен по Истории Магии или Практической Тауримике — это суета. Его настоящий экзамен шел постоянно. И провалить его он не имел права.

Однажды, возвращаясь поздно с дополнительных занятий по алхимии, он столкнулся в коридоре с Элиасом, сыном какого-то барона, одним из тех, кто щеголял в новомодных

мантиях.

— О, Григ! Готовишься к экзаменам не выползая из своей норы? — тот криво улыбнулся, оглядев его скромный кафтан и лицо, осунувшееся от недосыпа и постоянного внутреннего напряжения. — Слышал, тебя к подвалам приставили. Нашла коса на камень? Или, в твоем случае, метла на пыль?

Виктор остановился. Раньше такие слова задели бы его, заставили бы сжаться внутри. Теперь же, глубоко вдохнув, он едва уловимо коснулся своим внутренним якорем — того самого ощущения тихого, упрямого порядка. Паника и гнев отступили, как отливает волна. Он посмотрел на Элиаса не с вызовом, а с отстраненным, почти профессиональным любопытством, как на шумный, но неопасный механизм.

— Да, Элиас, — спокойно ответил он. — Убираю хаос. Понимаешь, в нем иногда можно найти интересные… детали. Которые все меняют.

И, не дожидаясь ответа, он кивнул и пошел дальше, оставив слегка озадаченного молодого аристократа в коридоре. Виктор почти физически чувствовал на своей спине тяжелый, мудрый взгляд незримого Наставника и тихое, одобрительное молчание в глубине сознания. Первый урок был усвоен. Чтобы охранять мир, нужно сначала научиться хранить покой в себе. А настоящая битва еще только предстояла. И она начиналась не с громовых заклинаний, а с умения молчать, наблюдать и быть тем, кого никто не видит.

Возвращение в свою каморку после этой встречи бы-

ло окрашено в новые тона. Упреждающая ярость, которая обычно клокотала в нем после подобных стычек, сменилась странной, глубокой усталостью. Но не от слабости. От осознания пропасти, которая пролегла между ним и такими, как Элиас. Пока тот думал о престиже, мантиях и экзаменационных баллах, Виктор нёс в сознании образ сияющей, хрупкой Печати и давящую тяжесть ответственности. И в этой тишине, глядя на потрескавшуюся штукатурку потолка своей комнаты, в нем родилось новое, дерзкое желание.

Он коснулся знака на руке, уже не как ученик, взывающий о помощи, а почти как равный, ищущий собеседника.«Наставник. Я… я понял основу. Якорь. Я ощутил разницу. Это не просто техника. Это… иной способ быть. Можно ли идти дальше?» Мысль его была осторожной, но в ее глубине горел огонь. «Вы говорили, что древние маги могли не просто командовать силами, а беседовать с самой тканью мира. Могли созидать и восстанавливать не насилием воли, а… убеждением. Можно ли научиться *этому*?»

В сознании воцарилась долгая пауза. Казалось, сама древность гримуара взвешивала его слова, ощупывала искренность помыслов.*Ты просишь не о силе, дитя. Ты просишь о понимании. Это… неожиданно. И обнадеживает.* Мысленный голос звучал мягче, почти задумчиво. *Большинство последних Стражей, даже из твоего рода, искали в знаниях лишь инструмент для поддержания статус-кво. Они видели в Печати стену. Ты же, кажется, начинаешь видеть в*

ней… живую ткань. Это правильный взгляд. И да, это дает тебе право на большее.

Виктор затаил дыхание. *Но предупреждаю: путь к пониманию структур — не путь к легким победам. Это путь смирения перед сложностью мироздания. Ты не будешь ломать и строить заново. Ты будешь учиться слушать материал, будь то камень, дерево или сама магическая субстанция, понимать его память, его «желание» быть целым. И лишь затем — мягко направлять его к этой цельности. Ты хочешь начать?*

«Да», — ответил Виктор без тени сомнения.

Хорошо. Тогда закрой глаза. Отбрось академические представления о мана-потоках и форматированных заклинательных кругах. Представь… нет, не представляй. Почувствуй пространство вокруг себя. Воздух, которым дышишь. Холод камня под ногами. Сухость дерева кровати. Каждое из этих веществ помнит. Помнит, как было частью чего-то большего: камень — горой, дерево — лесом. В их молекулярной, в их эфирной памяти есть след изначальной, идеальной формы. Твоя задача — не вложить в них свою волю, а найти этот след и… усилить его. Сделать его голос громче голоса повреждения, энтропии, распада.

Это было невообразимо сложно. Дни превратились в череду тихих, сосредоточенных вечеров. Виктор сидел на полу, касаясь ладонью то стены, то половицы, пытаясь «услышать» камень или дерево. Сначала были лишь собственные

тактильные ощущения: шероховатость, температура. Потом, через якорь внутреннего спокойствия и упрямства, стали проступать смутные «ощущения»: тяжелая, сонная устойчивость камня, теплая, волокнистая память дерева о росте. Он учился отличать «здоровое» эхо материала от «больного» — хаотичных вибраций трещины, скола, гниения.

Гримуар направлял его терпеливо, как мудрый садовник, почти не вмешиваясь, лишь изредка внося поправки: *«Не дави. Предложи. Ты не господин, ты — настройщик».*

И вот, спустя неделю таких неудачных, казалось бы, попыток, Виктор сидел, уставясь на самую заметную трещину на потолке — длинную, в палец толщиной, пересекавшую угол комнаты. Она была результатом давней протечки и казалась символом всего его старого, шаткого существования. Он смотрел на нее не с досадой, а с… интересом. Он чувствовал ее теперь. Не как дыру, а как сбой в неторопливой, вековой песне штукатурки и балки. Разрыв в мелодии.

Он поднял руку, не для жеста, а просто как точку фокуса. Дыхание замедлилось. Внутренний якорь — то самое чувство методичного порядка — застыл в сердцевине его существа. Он не думал: «Я хочу починить потолок». Он думал о самой трещине. О том, что она *помнила* целостность. Он мысленно, почти невербально, обратился к этому воспоминанию, к этому скрытому в материале идеальному образу ровной поверхности. Он не приказывал. Он… *напоминал*.

Сначала ничего не происходило. Потом воздух над его ла-

донью слегка задрожал, как над раскаленным камнем в зной. Пыль, вечно лежавшая на потолке, закружилась, собравшись вдоль линии трещины. И затем, с едва слышным, похожим на вздох звуком — *ши-хмм*— трещина начала сжиматься.

Это не было мгновенным чудом. Края не стягивались магическим швом. Это было похоже на то, как если бы сам материал, вспомнив, каким он должен быть, мягко и неуклонно начал возвращаться в это состояние. Мелкие обломки штукатурки как бы растворились, втянулись внутрь. Древесина балки под ней издала тихий, довольный скрип. Процесс занял несколько минут. Минут абсолютной, захватывающей тишины, в которой Виктор, затаив дыхание, наблюдал за своим первым настоящим созидательным актом.

Когда все закончилось, на потолке не осталось и следа. Поверхность была ровной и цельной, как в день постройки. Даже цвет ее казался свежее, будто с нее стерли годы забвения.

Виктор опустил дрожащую руку. Он чувствовал легкую, приятную усталость, будто после хорошо выполненной физической работы, а не опустошающую магическую истощённость, как после академических заклинаний. Он смотрел на гладкий потолок, и в его груди что-то перевернулось.

Это был не взрыв пламени, не ледяная вспышка, не иллюзия. Это было тихое, фундаментальное *исправление*. Восстановление порядка в крошечном фрагменте мира. И он сделал это. Не Виктор Григ, неудачливый ученик. А Виктор…

просто Виктор. Тот, кто может слышать песню камня и помогать ей звучать чище.

В его сознании прозвучал голос Гримуара, и в нем впервые слышалась не сдержанная похвала, а глубокая, безмолвная удовлетворенность.*Вот оно. Первое истинное касание. Ты не просто наложил заплату. Ты вернул часть мира к ее изначальному замыслу. Запомни это чувство. Это и есть суть. Не мощь, разрушающая горы, а терпение, восстанавливающее трещину. Теперь ты начинаешь понимать. Теперь ты — не только Страж. Ты — ученик истинной магии. И твоя учеба только началась.*

Виктор медленно выдохнул. Он посмотрел на свои руки — обычные, рабочие руки сына ремесленника. А затем на чистый потолок. Между этими двумя точками лежала бездна, которую он только что перешел. Страх и ощущение своей ничтожности не исчезли полностью, но теперь в них вплелась новая нить — тихая, непоколебимая уверенность. Он был способен на большее. Не на показное, а на настоящее. И это знание было тверже любого заклинания-щита и слаще любой победы на дуэли.

Он лег спать, и впервые за долгое время сон пришел к нему быстро и без тревог. А на потолке, теперь идеально ровном, играли тени от луны, и казалось, что и сама комната, излеченная, дышала глубже и спокойнее. Завтра снова будут экзамены, насмешки, бедность и тяжкий, одинокий секрет. Но теперь у него внутри был не просто долг. Было умение. И

крошечная, исцеленная вселенная над его головой, как доказательство того, что путь, на который он ступил, — верен.

Глава 4 Дуэль

С чистым потолком над головой и тихим знанием внутри жизнь Виктора обрела новый, двойной ритм. Днем он был Виктором Григом, старательным учеником четвертого курса. Он снова появлялся в столовой, за библиотечными столами, на общих практикумах. Сначала друзья — Лука, вечно голодный алхимик с взрывом рыжих волос, и Тилия, острая на язык будущая специалистка по иллюзиям, — встретили его с искренним облегчением.

— Григ! А мы думали, ты совсем запропал в тех подвалах! Взорвал что-нибудь еще? — хлопнул его по плечу Лука, когда они с Тилией пришли в комнату Виктора что бы обсудить куда Виктор запропастился.

— Решил стать отшельником? Мода на затворничество прошла век назад, — заметила Тилия, прищурившись. — Но потолок… у тебя что, в комнате ремонт был? Он выглядит… новым

— Просто вымыл — Виктор лишь пожал плечами, сделав вид, что не заметил ее изучающего взгляда. — Без пыли все кажется свежее. А в подвалах… там просто много пыли — шутка вышла плоской, но его непритязательная искренность сработала.

Он снова стал частью их маленькой компании. Они снова начали ходить в библиотеку готовиться вместе и жизнь для

остальных протекала без изменений. Сидели над конспектами, делились сплетнями о преподавателях, Лука безуспешно пытался поджечь себе бровь, экспериментируя с «быстрым фитилем». Виктор смеялся, спорил о принципах стабилизации тройных спиралей, помогал Тилии чертить сложные схемы для ее дипломного проекта по иллюзорной архитектуре. Но теперь он делал это иначе.

Раньше он в таких спорах рвался доказать свою правоту, упивался интеллектуальным превосходством. Теперь он чаще слушал. Наблюдал. Его решения практических задач стали нестандартными, элегантными — он предлагал не усилить подавляющий барьер, а перенаправить побочный поток; не тушить вышедший из-под контроля огонь, а изолировать его в саморегулирующуюся петлю. Это были не гениальные озарения, а следствие нового взгляда: он видел не отдельные силы, а систему, структуру. И стремился не сломать проблему, а найти ее естественное разрешение.

Даже его обычная магия изменилась. На практикуме по манипуляции элементами, где нужно было поддерживать в воздухе три вращающихся сферы из воды, земли и воздуха, он не мучился, пытаясь контролировать каждую в отдельности. Он нашел крошечный, общий для всех ритм — почти неуловимую вибрацию в самом воздухе аудитории — и просто… позволил сферам резонировать с ним. Они кружились ровно и стабильно, почти без его вмешательства, чем вызвали удивленный взгляд преподавателя.

— Необычный подход, Григ. Грубоватый, но эффективный. Откуда?

— Из здравого смысла, профессор, — ответил Виктор, чувствуя на себе внимательный, незримый взгляд Гримуара. — Проще плыть по течению, чем против него.

Друзья тоже начали замечать перемены происходящие с Виктором.

— С тобой что-то случилось, — как-то вечером заявила Тилия, разглядывая его через стол. — Ты не просто замолчал. Ты… успокоился.

— Может, просто повзрослел, пока вы тут фитили жевали, — парировал Виктор, но внутренне отметил проницательность подруги. Он и был тем камнем. Якорем. И эта новая роль, как ни странно, делала его общение с людьми проще, искреннее. Он меньше думал о том, как его воспринимают, и больше — о том, что происходит вокруг. И это притягивало.

Он даже позволил себе маленькую радость: на скромную стипендию, вернувшуюся после полугодия, купил в городской лавке старый, но исправный магический светляк в медной оправе — не для изучения, а просто для света в комнате. Когда он вносил его в общежитие, Лука фыркнул: «Наконец-то цивилизация! А то я уже думал, ты в темноте как гном живешь!». Виктор только улыбнулся. Этот искусственный, простой огонек был символом его обычной, человеческой жизни. И он дорожил ею теперь еще больше, зная, что защищает нечто неизмеримо большее.

Неприятность случилась в самый обычный день, в переполненном после лекций главном коридоре. Виктор, пробираясь с стопкой книг из библиотеки, слишком поздно заметил группу старшекурсников, громко смеявшихся у арочного проема. В центре был Элиас, тот самый аристократ. Он что-то с пафосом рассказывал, размахивая рукой, украшенной перстнем с фамильным камнем.

Виктор попытался аккуратно обойти, но кто-то из свиты Элиаса неловко отступил, наступив ему на ногу. Книги полетели на пол с громким шлепком. В наступившей секундной тишине это прозвучало оглушительно.

— Осторожнее, оборванец! — рявкнул тот, кто наступил. — Куда прешь?

— Извините, — Виктор, уже нагнувшись, чтобы собрать фолианты, вздохнул

Он пытался погасить конфликт на корню, его мысли уже были в подвале, куда он планировал сходить сегодня ночью для того что бы перенестись в пещеру за новой сессией прямого общения с Гримуаром.

Но Элиас уже заметил его. Взгляд аристократа, скользнув по его простой одежде и старым книгам, зажегся знакомым Виктору холодным, развлекающимся интересом.

— А, это же наш археолог подвальный! Григ, кажется? — голос Элиаса был сладок, как тягучий мед. — Что, нашел там какие-нибудь древние секреты? Или просто мусор таскаешь?

Свита хихикнула. Виктор молча поднимал последнюю

книгу — трактат по фундаментальной геомантии, скучный и бесполезный с точки зрения элиты.

— Просто возвращаю книги. Пропустите, пожалуйста

Но отступление было воспринято как слабость. Элиас шагнул вперед, перекрывая путь. Его тень упала на Виктора. «

— Ты знаешь, Григ, мне всегда было интересно, — начал он с притворной задумчивостью, — как такие, как ты, вообще умудряются здесь удержаться. Ни денег, ни связей, ни… выдающихся талантов. Может, ты просто очень хорошо умеешь подметать?

Гнев, горячий и знакомый, кольнул Виктора под ложечкой. Он почувствовал, как знак на его руке отзывается легким теплом, напоминая о якоре. Он выпрямился, глядя Элиасу прямо в глаза. В его взгляде не было ни страха, ни злобы. Было то самое отстраненное наблюдение, как за неисправным механизмом.

— Я умею учиться, Элиас. И выполнять свои обязанности. Даже если они кажутся кому-то незначительными. А сейчас моя обязанность — сдать книги, отойди

Тишина вокруг стала громкой. Так с Элиасом не разговаривали. Щеки аристократа покрылись легким румянцем. Он потерял лицо, и это было хуже любого оскорбления.

— Обязанности? — прошипел он. — Я научу тебя твоей настоящей обязанности, выскочка! Ты забываешь, с кем разговариваешь. Я вызываю тебя, на дуэль. Завтра. На цен-

тральном полигоне, после лекций. Если, конечно, у тебя хватит на это смелости, а не только на подметание полов

Ропот пробежал по коридору. Учебные дуэли были разрешены, но обычно их инициировали равные по статусу или для отработки сложных техник. Это был чистый вызов, для того что бы унизить оппонента. Отказ означал бы публичное признание в трусости и мог повлиять на репутацию, что для небогатого ученика было смерти подобно.

Виктор ощутил тяжесть взглядов. Он видел испуганное лицо Луки, который как раз вынырнул из толпы, и сжатые губы Тилии. Он видел торжествующую усмешку Элиаса. Внутри все кричало, чтобы он отказался, сослался на правила, на занятость. Но он знал: отступать сейчас — значит показать слабость, привлечь еще больше внимания. А внимание было последним, что ему было нужно.

Он глубоко вдохнул. И снова нашел внутри тот якорь — тяжесть инструмента, запах масла, неторопливую настойчивость отца. Гнев отступил, сменившись холодной, расчетливой ясностью. Дуэль. Публичное мероприятие. Элиас будет использовать показные, эффектные приемы. Ему нужно будет победить, сохранив лицо, но не раскрыв своих истинных возможностей. Это была новая, сложная задача. Практический экзамен в реальном времени.

— Хорошо, Элиас, — сказал Виктор, и его голос прозвучал на удивление ровно, без тени волнения. — Приму твой вызов. Завтра, после лекций. Только давай обойдемся без

фамильных реликвий? Чтобы было честно. Только академическая магия

Элиас, ожидавший страха или взрыва ярости, на секунду смутился. Потом надменно кивнул.

— Будь по-твоему. Простенькой магии хватит, чтобы поставить на место такого, как ты, не опоздай

Он развернулся и ушел со своей свитой, оставив в коридоре гул обсуждений. Лука тут же набросился на Виктора.

— Ты с ума сошел?! Он тебя размажет по стенке! У него частные учителя по боевой магии, артефакты…

— Он вызвал меня на академическую дуэль, — спокойно перебил его Виктор, собирая книги. — Значит, будет использовать стандартные приемы, а их я знаю

— Но почему ты вообще согласился?» — почти крикнула Тилия, хватая его за рукав.

— Потому что иногда, — Виктор посмотрел на нее, а потом на уходящую спину Элиаса. — чтобы сохранить покой, нужно один раз громко сказать «нет», чтобы тебя после этого оставили в покое

Он пошел к библиотеке, чувствуя на спине взгляды. Внутри него не было страха. Была сосредоточенность. Завтрашняя дуэль была не битвой за честь. Это была операция по сокрытию. Ему нужно было сыграть роль достаточно сильного, чтобы его не трогали, но достаточно ординарного, чтобы не вызывать подозрений. И впервые он почувствовал, что древняя магия — его понимание структур, его якорь — мо-

жет помочь ему в этом не как оружие, а как стратегия. Он шел, уже обдумывая план, а в глубине сознания чувствовал молчаливое, внимательное присутствие Наставника, готовящегося наблюдать за его первым публичным испытанием.

Тишина подвала номер семь встретила его как старый сообщник. Прах, взметнувшийся из-под ног, казался теперь не символом наказания, а дымкой, скрывающей врата в иной мир. Отодвинув ящики, Виктор положил ладонь со знаком на темное дерево сундука. На этот раз не было ни капли крови, ни неуверенности. Было намерение. И знание.

Ты вернулся, Страж. И в твоей душе звенит сталь, — прозвучал в сознании голос Гримуара, едва Виктор очутился в сияющей пещере.

— Мне нужно научиться защищаться. Эффективно. Но… так, чтобы это выглядело как обычная академическая магия. Завтра дуэль, — выпалил Виктор, чувствуя, как отголосок дневного унижения жжет щеки даже здесь.

Защищаться? Нет, дитя. Тебе нужно научиться завершать. Быстро. Ненавязчиво. Чтобы тебя оставили в покое. Древняя магия не знала дуэлей. Она знала необходимость. И время… у нас есть.

— Время? До дуэли меньше суток! — воскликнул Виктор.

Время здесь течет иначе. Песок в этой пещере падает сквозь пальцы иной реальности. Час здесь — минута в твоем мире. Три дня обучения для тебя обернутся потерей часа сна. Так было задумано для Стражей, чья вахта длилась

веками.

Потрясенный, Виктор кивнул. Три дня. Это был дар.

Начнем. Забудь о ярких вспышках и длинных формулах. Сила древних — в точности и понимании структуры. Мы не будем ломать щит врага. Мы найдем в нем резонансную частоту и заставим его развалиться от собственного напряжения. Мы не станем пробивать броню. Мы убедим воздух под ней стать тверже камня на миг. Это не боевая магия в твоем понимании. Это — хирургия реальности.

Первый день: Познание Уязвимостей.

Гримуар обучил его не заклинаниям, а **Внутреннему Зрению Стражей—** расширенному восприятию, позволяющему видеть не предмет, а его энергетический каркас, потоки силы, точки напряжения и хрупкие узлы. Виктор учился «читать» камень пещеры, находя места, где одно точное касание могло вызвать раскол. Прием **«Трещина Отзвука»—** не атака, а посыл контролируемой вибрации в найденную уязвимость. Практиковался он на специально созданных гримуаром кристаллических мишенях.

Второй день: Искусство Перенаправления.

Здесь родился прием **«Круг Вечного Движения»**. Его суть — не блокировать входящую атаку (огненный шар, ледяную иглу, удар силового луча), а принять ее, встроить в круговорот собственной энергии и мягко перенаправить в сторону или даже обратно к противнику, с минимальной затратой сил. Это было похоже на то, как опытный мельник

направляет бурный поток воды на колесо, не борясь с рекой. Виктор потел, ловя и разворачивая сгустки инертной магии, которые Гримуар бросал в него.

Третий день: Экономия, Финал и Врата в Себе.

Последний, самый важный урок начался не с атаки, а с тихого наблюдения. Гримуар заставил Виктора вновь и вновь вызывать в памяти мельчайшие детали Пещеры и Печати – холодный, отполированный камень под ногами, мерцающий узор на своде, тихий гул в самой кости.

Ты думаешь, что врата между этим местом и твоим миром – этот сундук?– спросил голос в его сознании. *Сундук – лишь Ключ. Дверь – в тебе самом. Точнее, в твоей связи с этим местом. Печать Стирода – не только там, на стене. Её отголосок есть везде, где есть мир, который она защищает. И в тебе тоже, теперь.*

И Гримуар раскрыл ему принцип **«Нешагающего Перехода»**. Для того чтобы перенестись в Пещеру, не нужен был физический контакт с Ключом. Нужно было, находясь в любой точке мира, ощутить *внутреннее эхо*Печати – через знак на руке, через свой якорь спокойствия – и, удерживая его, *пожелать*совместить свое местоположение с местом Хранилища. Это требовало огромной концентрации, но было возможно. Практикуясь, Виктор научился вызывать в своем сознании настолько яркий и точный образ Пещеры, что пространство вокруг него начинало слабо мерцать, а воздух – звенеть знакомым гулом.

А теперь – следующее, – велел Гримуар. *Ключ не должен оставаться в мире, где его могут найти. Его место – здесь, под вечной охраной. Но чтобы перенести объект, а не только сознание, нужно понять его «место» в ткани реальности и… аккуратно вынуть, как вынимают нить из ткани, не разрывая её.*

Это было высшим проявлением **«Единого Касания»**, но примененным не к уязвимости противника, а к самой структуре пространства. Виктор, стоя в подвале номер семь (теперь он мог приходить и уходить мысленно, оставляя тело в трансе), положил руки на древний сундук. Он не тащил его силой. Он ощутил его как «узел» в полотне реальности подвала. А затем, используя свою связь с Пещерой как точку притяжения, он мысленно *развязал* этот узел здесь и *завязал* его там.

Процесс сопровождался тихим хрустом, будто ломались невидимые кристаллы. Сундук дрогнул, его очертания поплыли, стали прозрачными, и через мгновение он исчез, оставив после себя лишь углубление в полу. Одновременно в Пещере, рядом с пьедесталом Гримуара, материализовался сундук, ставшая теперь частью этого святилища.

Истомленный, с кровотечением из носа от непривычного напряжения, Виктор понял: подвал номер семь перестал быть критической точкой. Врата теперь были в нем самом. Это знание принесло чувство невероятной свободы и окончательного разрыва со старыми ограничениями.

Теперь ты истинный Страж, – прозвучал голос, и в нем впервые слышалась неуловимая нота уважения. *Ты не привязан к месту. Ты – сам место. Запомни это. А теперь вернемся к твоей дуэли. Тебе потребуется нечто куда более простое...*

И обучение вернулось к примитивному **«Импульсу Силы»**, который должен был стать его оружием завтра. Но теперь Виктор понимал глубинную связь: всё — от перемещения сундука до победы в поединке — было вопросом точного понимания структур и применения минимального, но идеально выверенного воздействия. Он засыпал в своей комнате в ту ночь, зная, что может вернуться в Пещеру в любой момент, просто закрыв глаза и найдя в себе отзвук вечного гула Печати. Это было его самым большим секретом и самым надежным убежищем.

Его разбудил настойчивый стук в дверь.

— Григ! Виктор! Ты проспал теоретическую механику! Гродд в ярости!

Голос Тилии. Виктор с трудом открыл глаза. Мир плыл. Он сел, потер лицо. Каждый мускул отзывался глухой болью, но это была приятная усталость от хорошей работы. Он встал и открыл дверь.

Тилия, уже собиравшаяся закричать снова, замерла. Она смотрела на него, и ее глаза медленно расширялись.

— Виктор? Что с тобой?.. Ты…

Он пошел к умывальнику, и в тусклом зеркале увидел то,

что заметила она. Он не стал мускулистым гигантом. Но контуры его лица, всегда немного мягкие, стали четче, будто отточены ветром. В глазах, привыкших к постоянному напряжению, теперь читалась не тревога, а глубокая, спокойная сосредоточенность. Даже осанка изменилась — плечи не были ссутулены, спина выпрямилась. Он выглядел не старше, а… плотнее. Надежнее. Как будто его самого собрали заново, без лишних деталей.

— Я просто… очень крепко спал, — пробормотал он, плеская в лицо ледяную воду. — Три дня в подвалах, наверное, дали о себе знать.

— Три дня? Ты был там вчера вечером всего пару часов, — настороженно сказала Тилия. — С тобой точно все в порядке? Может, дуэль отменить? Ты выглядишь… нездорово. Или наоборот, слишком здорово. Я не понимаю.

— Все в порядке, — он повернулся к ней, и его улыбка была искренней, но отстраненной. — Поверь. Пойдем. Пора заканчивать этот фарс.

После всех уроков, друзья собрались вместе и выдвинулись к учебному полигону. Центральный полигон кишел народом. Новость о вызове, брошенном аристократом простолюдину, разнеслась быстро. Элиас уже стоял в центре закольцованной площадки в новом, ослепительно-белом дуэльном одеянии, с легкой, снисходительной улыбкой на лице. Увидев Виктора в его поношенном кафтане, толпа загудела.

— Я уже думал, ты сбежал, подвальная крыса! — громко

произнес Элиас, чтобы все услышали.

Виктор молча прошел через раздвинувшийся круг. Он встретился взглядом с суровым преподавателем, который должен был судить поединок, и кивнул.

— Студент Григ подтверждает свое участие. Правила стандартные: до потери сознания, выхода за круг или признания поражения. Запрещены заклинания летального и калечащего действия. Начало по моему сигналу.

Виктор занял позицию в десяти шагах от Элиаса. Шум толпы отступил на второй план. Он активировал **Внутреннее Зрение**. Теперь он видел не щеголя в белом, а мерцающую ауру, сотканную из возбужденных, нервных потоков силы. Он видел слабые места в его стойке, предугадывал, откуда пойдет первый удар.

Сигнал прозвучал.

Элиас, не мешкая, выбросил вперед руку с криком: **«Стрелы Света!»**Десяток ослепительных игл понеслись к Виктору. Ярко, эффектно, предсказуемо.

Виктор не стал ставить щит. Он сделал легкий, почти небрежный шаг в сторону, одновременно описав в воздухе рукой часть **Круга Вечного Движения**. Иглы света, не встретив сопротивления, просто просвистели мимо, а их краевая энергия, подхваченная жестом, закрутилась вокруг него и рассеялась, как дым. Толпа ахнула — не от мощи, а от неожиданности. Так не дрались. Так уворачивались.

— Стоишь, как столб! — крикнул Элиас, раздраженный, и

перешел к более тяжелой артиллерии. **«Цепная Молния!»**

Разряд, змеясь, ринулся к Виктору. Тот снова не блокировал. Он двинулся *навстречу*, но не по прямой, а по странной, ломаной траектории, как будто шел между каплями дождя. Его **Внутреннее Зрение**показывало узкие промежутки в энергетической структуре заклинания. Молния, не сумев найти удобной цели, ударила в землю у его ног, лишь опалив подошвы.

Минуту, другую, Виктор просто уклонялся. Он не атаковал. Он наблюдал. Он видел, как азарт Элиаса сменяется злостью, как его аура становится рваной, нестабильной. Противник тратил силы, а Виктор — лишь капли концентрации. В толпе начался смешок. Элиас багровел.

— Хватит бегать, трус! — проревел он и, сжав руки в сложном жесте, начал произносить длинную, мощную формулу. Перед ним засветился, набирая силу, массивный **«Сфероид Огня»**— заклинание третьего уровня, явно выходящее за рамки обычной учебной практики. Судья нахмурился, но не остановил.

Виктор наконец остановился. Он увидел то, что искал. В момент концентрации на создании сложного заклинания Элиас забыл о простейшей защите. Его личный барьер был тонким, однородным, как натянутая ткань. И в нем была одна точка максимального натяжения — прямо в центре, перед грудью. Идеальная точка для **Единого Касания**.

Виктор поднял руку. Не для сложного жеста. Просто ука-

зал пальцем. И послал туда, в эту точку, тот самый, примитивный **«Импульс Силы»**.

Не громовой удар, а короткий, резкий толчок воздуха. Но он был выпущен не просто так. Он был выверен по резонансу, по времени, по месту. Как камертон, бьющий в унисон со стеклом.

Раздался не взрыв, а хлопок — словно лопнул огромный мыльный пузырь. Сверкающий **«Сфероид Огня»**дрогнул и бесследно рассеялся, не успев сформироваться. А Элиас, чья вся воля и энергия была вложена в этот сфероид, получил обратную связь. Его собственная, нестабильная магия, резко сворачиваясь, дернула его за собой. Он вскрикнул, споткнулся о собственную ногу и грохнулся на спину, выкатившись за пределы круга.

На полигоне воцарилась оглушительная тишина. Все смотрели на лежащего, ошарашенного Элиаса, и на Виктора, который медленно опускал руку.

— Поединок окончен, — сухо произнес судья. — Победа студента Грига. Выход за пределы круга.

Никто не аплодировал. Было слишком странно. Не было ни вспышек, ни взрывов. Был только один жалкий **«Импульс Силы»**, которым даже перваков не напугаешь. И победа.

Виктор повернулся и пошел прочь, сквозь расступившуюся толпу. В его ушах стояла тишина, но в сознании прозвучал голос Гримуара:

Хирургически точно, Страж. Ты не победил его магией. Ты победил его пониманием. Теперь они оставят тебя в покое. На какое-то время.

Виктор вышел на свежий воздух. Цель была достигнута. Маска ученика осталась на месте. Но под ней теперь жил не просто наследник древнего долга, а маг, познавший первый и главный закон истинной силы: побеждает не тот, кто громче кричит, а тот, кто точнее слышит тишину мироздания.

Глава 5 Экзамены

Последний месяц пролетел в странном, двойном ритме, который Виктор научился выдерживать, как дыхание. Дуэль с Элиасом принесла желанный, но неоднозначный плод: его перестали задирать открыто. Теперь, когда он проходил по коридорам, на него не обращали внимания, но это было внимание особого рода — не пренебрежительное, а осторожное, изучающее. Его победа была слишком странной, чтобы её уважали, но достаточно весомой, чтобы её боялись. Он стал незаметным в новом смысле — как тихий, но потенциально опасный предмет в углу комнаты, на который стараются не наступать.

По выходным он, как и прежде, проводил время с Лукой и Тиллией. Они ходили в «Ржавый Котел» — дешевую таверну у городской стены, где за гроши наливали терпкий сидр и подавали дымящиеся мясные пироги, от которых щипало в носу от перца.

— Значит, «Импульс Силы», — Лука, размахивая кружкой, в который раз пытался разобрать тот поединок. — Просто «импульс». И он упал. Я до сих пор не понимаю. У Элиаса же был сформирован Сфероид! Это третий уровень!

— Он потратил на него всё внимание, — снова объяснял Виктор, отламывая кусок грубого хлеба. — Баланс — хрупкая штука. Иногда достаточно дунуть в нужный момент.

— Дунуть, — скептически протянула Тилия, наблюдая за ним поверх края своей кружки. Её взгляд, всегда острый, в последнее время стал особенно пристальным. — Ты, Виктор, стал… слишком сбалансированным. Раньше, когда Лука начинал про алхимические катастрофы, ты хоть вздрагивал. А теперь ты как… Камень. Приятный, но все же камень, монолит.

Виктор только улыбнулся. Он и был камнем, даже не так, он был скалой. Его якорь — ощущение спокойного, упорядочивающего упрямства — стал не техникой, а частью личности. Даже здесь, в шумной таверне, часть его сознания всегда была обращена внутрь, к тихому гулу Печати, который он теперь слышал постоянно, как далекий прибой. Он научился жить на двух этажах сразу: на одном — смех друзей, вкус еды, бытовые заботы; на другом — вечное, серьёзное бдение.

Именно на «верхнем» этаже он и видел Элиаса. Тот, кажется, нарочно появлялся в тех же местах, но не приближался. Он мог сидеть в другом конце той же таверны с парой своих новых приспешников (старая свита после унижения немного поредела), или мелькнуть в конце коридора академии. Он никогда не смотрел прямо. Но Виктор чувствовал его взгляд. Не горячий, яростный, как раньше, а холодный, тяжелый, выжидающий. Как взгляд кошки из-под куста на птицу, которая пока ещё слишком высоко. В этих взглядах не было импульсивной злобы. Была расчётливая, копящаяся обида. И это было куда опаснее.

По ночам, когда общежитие затихало, Виктор совершал **«Нешагающий Переход»**. Теперь это не требовало титанических усилий. Достаточно было закрыть глаза, найти в себе резонанс с гулом Печати, и мир вокруг растворялся, сменяясь сияющей тишиной святилища. Он занимался там ежедневно. Гримуар двигал его дальше, но теперь не в области грубой силы или даже тонкого воздействия, а в сфере **«Созерцания Структур»**.

Чтобы защищать целое, нужно понимать, как оно устроено в мельчайших деталях, — наставлял Наставник. *Смотри.*

И Виктор смотрел. Не на всю Печать сразу — это было невозможно, — а на её фрагменты. Гримуар как бы «увеличивал» его внутреннее зрение, показывая, как серебристые линии не просто нарисованы, а живут: они пульсируют, перетекают, обмениваются крошечными вспышками энергии, поддерживая друг друга в бесконечно сложном танце равновесия. Он начал различать «слои»: основной каркас, сотканный из клятв богов; подвижную сеть текущих энергий, регулирующую давление между мирами; тончайшую паутину «чувствительных нитей», которая реагировала на малейшие изменения.

Однажды, углубившись в созерцание, он неосторожно протянул мысленный импульс к одной из таких «нитей», пытаясь ощутить её эластичность. Весь фрагмент Печати перед ним дрогнул, и резкая, леденящая боль ударила Виктора в

виски, заставив его физически отшатнуться в реальном мире. Он открыл глаза уже в своей комнате, с головной болью и привкусом железа на языке.

Предупреждал, — сухо прозвучало в сознании. *Не трогай то, что не готов починить. Твоё понимание — пока лишь понимание наблюдателя. Не инженера. Одно неверное движение здесь — и трещина, которую ты едва чувствуешь, может разверзнуться.*

Это был отрезвляющий урок. Он защищал не стену, а хрупчайшее, живое произведение искусства вселенского масштаба. Его роль была не в том, чтобы её перестраивать, а в том, чтобы смахивать пыль, подклеивать отслоившиеся участки и звонить в набат при появлении настоящей опасности. И он всё острее чувствовал, что опасность — не только с той стороны. Она зрела здесь, в его мире. В лице обиженного аристократа, чьи злобные взгляды были словно щупальцами, ощупывающими его броню в поисках трещин.

В очередной вечер когда Виктор готовился в библиотеке он столкнулся с Элиасом в самом неожиданном месте — у выхода из библиотеки редких томов, куда простым студентам доступ был ограничен. Они оказались в узком переходе один на один. Элиас остановился, преградив путь. На сей раз в его глазах не было ни насмешки, ни открытой ярости. Была ледяная, почти профессиональная оценка.

— Григ, — произнес он тихо, без прежней слащавости. — Хожу по библиотекам. Ищу ответы. Странно, но про «Им-

пульс Силы», способный развалить Сфероид третьего уровня, ни в одном трактате не написано.

Виктор встретил его взгляд, не опуская глаз. Внутри него замер якорь, готовый к любой буре.

— Может, искал не там? Или не то? — так же тихо ответил он. — Иногда всё решает не сила заклинания, а обстановка. Сквозняк, например.

Уголок рта Элиаса дрогнул в подобии улыбки, в которой не было ничего веселого.

— Сквозняк. Да. Я тоже так думаю. Что-то в воздухе последнее время… изменилось. Появились сквозняки из неоткуда. — Он сделал паузу, давая словам повиснуть. — Нужно быть внимательнее. Чтобы не простудиться. Или не наткнуться на что-то… острое.

Он не стал ждать ответа, мягко отстранил Виктора плечом и прошёл мимо, оставив после себя лёгкий шлейф дорогого парфюма и тяжёлое, невысказанное обещание в воздухе.

Виктор стоял ещё мгновение, затем медленно выдохнул. Угрозы стали тоньше. А значит, и защищаться придётся тоньше. Он посмотрел на свою руку, где под кожей слабо мерцал знак Стража. Месяц относительного покоя подходил к концу. Тень, которую он отбросил своей победой, теперь обрела чёткие контуры и начала двигаться сама по себе. Игра в кошки-мышки только начиналась, но Виктор понимал — на кону в ней была уже не его репутация, а возможность оставаться в тени. А тень — единственное место, откуда он

мог незаметно выполнять свой долг.

И вот наступила пора экзаменов — нервная, лихорадочная, наполненная карандашами и шепотом заклинаний последней минуты. Для Виктора это была не просто проверка знаний, а сложнейший экзамен на скрытность. Ему приходилось сознательно сдерживаться, решая задачи примитивными, «академическими» методами, в то время как его разум уже видел элегантные, фундаментальные решения, лежащие на стыке структуры и воли.

На экзамене по «Теории магических конструкций» профессор Велин, суховатый теоретик, дал задание: стабилизировать виртуальную модель трехарочного энергомоста, подверженного хаотическим резонансным колебаниям. Стандартное решение требовало кропотливого расчета десятка демпфирующих рун и тонкой настройки каждой. Виктор же, взглянув на схему своим Внутренним Зрением, сразу увидел корень проблемы: одна из «опор» моста была смоделирована с микроскопической асимметрией, порождавшей дисбаланс. Вместо того чтобы бороться со следствиями, он мысленно, почти рефлекторно, *предложил* виртуальной структуре скорректировать эту асимметрию, послав крошечный импульс настройки в самое её основание. На физическом плане это выглядело так: он начертил не полный комплекс стабилизирующих рун, а всего один странный, плавный символ, отдаленно напоминающий знак интеграла, и тихо произнес одно слово: «*Гармония*».

Модель на экзаменационном кристалле не просто стабилизировалась. Она *вспыхнула* ровным, ясным светом, работая с эффективностью, близкой к теоретическому идеалу. Профессор Велин замер, уставившись на кристалл, затем на Виктора.— Интересный… подход, Григ, — сказал он медленно, снимая очки и протирая их. — Чрезвычайно экономичный. На каком труде основан этот метод? Этот символ… я его не узнаю.— Это не метод, профессор, — честно ответил Виктор, чувствуя легкий укол тревоги. — Это просто… переосмысление стандартного принципа Леокара. Вместо подавления дисбаланса я попытался его компенсировать в источнике. Символ — просто моя личная мнемоника для этого процесса.Велин долго смотрел на него, а потом кивнул, ничего не сказав, и поставил в ведомость высший балл. Но в его взгляде поселилась не удовлетворенность, а глубокая задумчивость.

Подобные случаи, менее яркие, но столь же нестандартные, повторились на экзаменах по практической алхимии (где он предложил изменить порядок смешивания реагентов, основываясь на «ощущении их внутренней склонности к связи») и эфирной геометрии. Он не блистал — он предлагал непривычно простые решения сложных проблем. И это начало волновать преподавательский состав. О нем заговорили в учительской не как о вундеркинде, а как о странном самородке, мыслящем какими-то обходными, интуитивными путями. Ректору Аркториусу доложили об «интересном

случае с учеником Григом».

Тем временем тень Элиаса не отступала. На предпоследнем экзамене они оказались за соседними столами. Когда Виктор вышел сдавать работу, Элиас незаметно подставил ножку. Виктор, чье восприятие было постоянно обострено, просто перешагнул через нее, даже не прервав шага, но почувствовал, как жгучий взгляд впился ему в спину. После сдачи, в почти пустом коридоре, Элиас нагнал его.— Поздравляю с успехами, «новатор», — его голос был ядовит. — Профессора в восторге от твоих… упрощений. Как будто ты нашел какую-то грязную, но эффективную отмычку к знаниям, до которых нам приходится идти честным трудом.

— Есть много путей к одному ответу, Элиас, — спокойно сказал Виктор, останавливаясь.

— Мне интересен лишь один путь, — прошипел аристократ, приблизившись. — Тот, что ведет к восстановлению справедливости. Публичная дуэль — это правила, церемонии, ограничения. Это не дало настоящего ответа.Виктор почувствовал холодок в животе.

— Какой ответ тебе нужен?

— Настоящий. Без свидетелей. Без правил. Только ты, я и магия. Чтобы никто не мешал и не отвлекал. Чтобы можно было использовать всё, что знаешь. — Элиас смотрел на него, и в его глазах горела неподдельная, сконцентрированная жажда доказать своё превосходство любой ценой. — После последнего экзамена. Ночь. Заброшенный физический

полигон на старом дворе. Ты знаешь место.Отказ означал бы признание слабости и, возможно, бесконечные тайные преследования. Согласие… было опасно. Но Виктор понял: это ловушка, в которую ему придется войти, чтобы раз и навсегда отбить охоту у этой тени преследовать его. Или чтобы обрести над ней полный контроль.

— Хорошо, — тихо сказал Виктор. — После последнего экзамена. Без свидетелей.На губах Элиаса появилась победоносная, жесткая улыбка.

— Не подведи. Я буду ждать.

Он развернулся и ушел. Виктор остался стоять в пустом коридоре, слушая, как эхо шагов затихает. Последний экзамен был через два дня. У него было два дня, чтобы подготовиться не к учебной стычке, а к настоящему, непредсказуемому столкновению с озлобленным противником, не скованным никакими условностями. И пока профессора в своих кабинетах размышляли о странной одаренности скромного ученика, сам этот ученик готовился к ночной схватке, которая могла раскрыть куда больше, чем просто его академические способности.

После той встречи в коридоре Виктор не пошел в общежитие. Он поднялся на самую высокую башню академии, в заброшенную астрономическую обсерваторию, откуда был виден весь спящий город. Здесь, в полной тишине, под холодными звездами, он закрыл глаза и совершил **«Нешагающий Переход»**.

Пещера встретила его своим вечным, успокаивающим гулом. Гримуар лежал на пьедестале, его страницы были раскрыты на пустом месте. *Ты пахнешь сталью и страхом, Страж,* — прозвучало в его сознании, ещё до того как он что-то успел сказать. *Не тем животным страхом, что парализует, а холодным — стратега, видящего невыгодную позицию.*

— Мне нужна помощь, Наставник, — мысленно ответил Виктор, подходя к книге. — Он вызвал меня на бой без правил. Я не знаю, что он подготовил. Он изучал меня месяц. А я… я должен не только выстоять. Я должен сделать это так, чтобы он отступил навсегда, не раскрыв того, что я умею больше, чем должен.

Мудро. Победа в битве ничего не стоит, если она ведёт к проигрышу войны за скрытность. Гримуар помолчал. *Ты уже научился видеть структуры вещей. Теперь я покажу тебе, как увидеть структуры возможного. Но предупреждаю: твой разум, твоя душа ещё не готовы нести это знание. Ты увидишь лишь начало пути. Обрывки.*

— Этого может хватить.

Хорошо. Прикоснись к моим страницам и смотри не глазами, а намерением увидеть то, что может быть.

Виктор положил ладонь на пергамент. Мир Пещеры дрогнул и поплыл. Перед его внутренним взором возник образ старого двора с заброшенным полигоном. Он увидел себя, стоящего в центре, и Элиаса напротив. Но это были не ста-

тичные картинки. От каждой фигуры, от каждого предмета во дворе расходились десятки, сотни тончайших, мерцающих разными оттенками серебра и серого **нитей вероятности**. Одни были яркими и толстыми — самые очевидные, наиболее вероятные развития событий. Другие — тонкими, едва заметными, уходящими в сторону и растворяющимися в темноте. Он видел, как его собственное движение влево порождало один веер нитей (уклонение от огненного залпа, успешный парирующий удар, потеря равновесия), а шаг вправо — другой. Он видел нити, тянущиеся от рук Элиаса к скрытым карманам его плаща, где таились сгустки чужой, готовой к применению магии — подсказка на артефакты. Он видел, как некоторые его собственные попытки применить знание древних (даже мысленно) порождали яркие, алые нити, ведущие прямиком к катастрофе — раскрытию тайны перед чужими, возможно, скрытыми наблюдателями.

Это было ошеломляюще. Он пытался проследить за нитями дальше, найти момент, где он выходит победителем, сохранив инкогнито. Но чем дальше он смотрел, тем сильнее давила невыносимая головная боль. Нити начинали путаться, меркнуть, а затем… они просто *обрывались*. Все до одной. Ровно на отметке **двух минут сорока двух секунд**от начала поединка. За этим пределом лежала только непроглядная, хаотическая муть.

С резким выдохом Виктор отдернул руку, едва не потеряв равновесие. Он стоял, тяжело дыша, в то время как Пещера

медленно возвращала ему свои чёткие очертания.

— Что… что это значит? Почему они обрываются? *Это значит,* — голос Гримуара звучал устало, — *что в этот момент происходит событие, которое твоё текущее восприятие не может обработать. Либо решающий фактор лежит за пределами твоих нынешних знаний о противнике. Либо… в этот момент в ситуацию вмешивается нечто третье. Или ты принимаешь решение, последствия которого сам пока не в силах осознать. Две минуты сорок две секунды — это твой горизонт. За него ты идёшь вслепую.*

Виктор медленно кивнул, стирая с губ привкус крови от лопнувшего капилляра в носу. Две минуты. У него было две минуты, чтобы вести бой по предсказуемому сценарию. А потом — импровизация в полной темноте. Это было мало. Но это было больше, чем ничего.

Он провёл остаток времени в Пещере, не тренируясь, а медитируя, укрепляя свой якорь, готовя разум к хаосу, который наступит после той роковой отметки.

Последний экзамен — по истории магических законов — прошёл для Виктора как в тумане. Он отвечал машинально, его мысли были там, на заброшенном дворе, среди оборванных нитей вероятности. Когда он сдал пергамент, солнце уже клонилось к закату, окрашивая стены академии в кроваво-оранжевые тона.

Он вышел из экзаменационного зала. В кармане его простого кафтана лежал единственный предмет, который он

взял с собой — старый, потрёпанный светляк в медной оправе, купленный месяц назад. Символ обычной жизни.

Он встретился взглядом с Лукой и Тиллией, которые ждали его у выхода.

— Ну что, Григ, свободен! — Лука хлопнул его по плечу. — Идём в «Котёл»? Отметим конец кошмара!Тилия смотрела на Виктора внимательно.

— Ты бледный. И смотришь куда-то сквозь нас. Опять в подвал собрался? — в её голосе звучала лёгкая тревога.

Виктор заставил себя улыбнуться.

— Нет. Просто устал. Мне нужно… немного воздуха. Пройдусь. Увидимся позже.

Он видел недоверие в её глазах, но она ничего не сказала. Он повернулся и пошёл прочь, не в сторону общежития, а в глубь академического квартала, к старой, неиспользуемой части кампуса, где среди буйных зарослей бурьяна стояли руины старого физического полигона.

В кармане его рука сжимала светляка. В голове тикали невидимые часы, отсчитывая секунды до того момента, когда все нити обрываются, и он остаётся один на один с неизвестностью. Экзамены были позади. Теперь начиналось настоящее испытание.

Глава 6 Реванш

Заброшенный двор встретил их гнетущей тишиной. Воздух пах ржавчиной, пылью и волчьей ягодой, растущей у развалившейся стены. Луна, холодная и острая, как лезвие, бросала длинные, искаженные тени от скелетов старых тренировочных манекенов.

Элиас уже ждал. Он стоял в центре заросшего плитами круга, но это был не тот щеголь из белых одежд. На нем был простой, темный, почти черный тренировочный камзол без опознавательных знаков. В его руках — два коротких жезла из черненого дерева, не академического образца. На них мерцали чужие, вписанные руны. Его аура, которую видел Виктор, пылала холодным, концентрированным алым — смесью злобы, тщеславия и дорогой, чужой силы.

— Я начал думать, ты струсил, — голос Элиаса был ровным, без привычной слащавости. В нем звучала опасная собранность.

— Я здесь, — коротко бросил Виктор, занимая позицию в десяти шагах. Внутри него уже работал механизм, заведенный в Пещере. Он не просто смотрел на противника. Он активировал **Внутреннее Зрение** и поверх реального мира стал проступать призрачный, мерцающий лес **нитей вероятности**. Одни, яркие, тянулись от жезлов Элиаса к его собственному торсу — очевидные атаки. Другие, тонкие и ядо-

вито-зеленые, вились у ног противника — вероятные ловушки или подлые приемы. Он видел веер возможностей, расходящийся от каждого своего потенциального движения.

— Надеюсь, ты готов к урокам без правил, — усмехнулся Элиас. И, не дожидаясь ответа, атаковал.

Не было церемоний, сигналов, вызова. Один из жезлов в его руке взвыл, и из его наконечника вырвался не огненный шар, а сгусток липкой, полупрозрачной тени, который, летя, рассыпался на десяток мелких, пищащих сгустков, обтекавших Виктора с разных сторон. **«Сеть Боли»**— запрещенное в академии заклинание, поражающее не тело, а нервную систему.

Но Виктор уже видел эту нить. Он не стал уворачиваться от каждого сгустка — это было невозможно. Он сделал короткий, резкий шаг вперед и вправо, в единственную точку, где веер траекторий сгустков расходился, оставляя узкий, временный коридор. Тени просвистели мимо, одна задев рукав с легким, обжигающим холодком. Он чувствовал, как в голове тикают невидимые часы: *0:15*.

Элиас даже не удивился. Он сразу перешел ко второму приему. Левый жезл ударил в землю, и под ногами Виктора каменные плиты вздыбились, пытаясь схватить его за лодыжки. Одновременно правый жезл выписал в воздухе быструю дугу, и три невидимых лезвия силового поля со свистом рассекли воздух на уровне горла, груди и живота. Грязно и эффективно.

Виктор падал. Он это видел за секунду до того, как это случилось. Нить вероятности падения была яркой. Но он также видел тонкую, дрожащую нить выхода: мощный толчок о землю ослабит хватку камня на долю секунды. Он не сопротивлялся падению, а усилил его, толкнувшись сам, и в момент, когда камень дрогнул, сделал кувырок через плечо. Невидимые лезвия просвистели над его спиной, разрезая полу его кафтана. *0:48.*

Так начался их странный танец. Элиас атаковал яростью, смесью академической магии и темных, купленных на стороне артефактных всплесков. Он метал кислотные плевки, вызывал внезапные вспышки ослепляющего света прямо перед глазами противника, пытался сковать пространство липкими полями замедления.

Но Виктор парировал, уворачивался, отступал. Не с идеальной грацией, а с какой-то неестественной, пугающей предсказуемостью. Он не блокировал атаки — он оказывался там, где их не было. Он не контратаковал — его редкие, жалкие **«Импульсы Силы»**били не в Элиаса, а в его жезлы в момент зарядки, сбивая настройку, или в землю под его ногами, нарушая равновесие. Он двигался, дышал и реагировал как человек, который уже читал сценарий этого боя.

— КАК ТЫ ЭТО ДЕЛАЕШЬ?! — рявкнул Элиас, в ярости швырнув жезлом сгусток черной энергии, который, промахнувшись, разъел половину каменного манекена с шипением.Виктор молчал. Он не мог говорить. Все его ресурсы

были удержаны на тончайшей грани. Он видел лес нитей, но они начали менять цвет, становясь багровыми, нестабильными. Время подходило. *2:10.*

Он искал выход. Ни одной яркой, чистой нити, ведущей к победе, которая не требовала бы от него раскрыться. Любой сильный удар, любое проявление знания древних рождало алую, тревожную нить, в конце которой маячил образ раскрытой тайны, пристального внимания магического совета, краха всего. Он был в ловушке. Он мог только отбиваться, оттягивая неизбежное.

*2:30.*Элиас, побагровев от бессильной ярости, совершил отчаянный шаг. Он разбил один из своих жезлов о колено, высвободив всю запечатанную в нем чужую магию одним диким, неконтролируемым выбросом. Волна искаженной силы, кричащей и ревущей, заполнила двор, снося щебень и ломая старые балки. Это был не направленный удар. Это был взрыв. Уклониться было некуда.

Единственная нить, которую увидел Виктор в этот миг, требовала одного: применить **«Круг Вечного Движения»**в его истинном, древнем виде, не как уловку, а как щит, вбирающий и преобразующий хаос. Но это было равно признанию. Это была алая нить.

Часы в его голове пробили последнюю секунду.*2:42.*

И все нити — яркие, тусклые, алые, зеленые — **оборвались**. Однажды. Полностью. Лес возможностей исчез, оставив перед ним лишь голую, уродливую реальность: ревущую

на него волну искаженной магии, искаженное злобой лицо Элиаса, и полную, абсолютную неизвестность о том, что будет в следующее мгновение.

Паника, холодная и тошнотворная, ударила ему в живот, сжала горло. Он стоял слепой, глухой для будущего. Все, чему его учили, все его понимание структур — всё это было картой, которую у него внезапно вырвали из рук посреди шторма.

Внутренний якорь — образ мастерской, упрямого порядка — дрогнул и начал рассыпаться под напором этого чистого, животного ужаса перед непознаваемым.

Что дальше?

***

Тилия тащила Луку за рукав по темному переулку, ведущему к старому кампусу.

— Тише! Иди уже! — шипела она, а Лука лишь бормотал, спотыкаясь о разбитую плитку.

— Зачем мы полезли, а? Он сказал — «пройдусь»! Может, ему романтическое свидание? А мы тут как шпионы какие-то…

— Свидание? С кем, с призраками? — Тилия остановилась за углом полуразрушенной стены и осторожно заглянула во двор. — Он шел сюда. И был похож не на влюбленного, а на человека, идущего на эшафот. Смотри.

Лука, нехотя, присоединился к ней. То, что они увидели, заставило его резко умолкнуть.

В центре заросшего двора, в призрачном свете луны, стояли двое: Виктор в своем поношенном кафтане и Элиас в чем-то темном и функциональном, с жезлами в руках. Даже с расстояния было видно — это не дуэль. Это что-то иное.

— Это… это же запрещенные артефакты у Элиаса, — прошептал Лука, глаза его округлились. — Смотри на ауру жезлов — она чужая, покупная. Это вне правил академии!

— Тише, — прижала палец к губам Тилия, её глаза сузились, анализируя картину. — Смотри на Виктора.

Бой начался. И с первых секунд у Тилии похолодело внутри.

Элиас атаковал с безжалостной, отточенной жестокостью. **«Сеть Боли»**— Тилия узнала эту мерзкую технику по хаотичному рассыпанию магических сгустков. Она сама едва могла бы отследить их траектории. Но Виктор… Виктор не отслеживал. Он просто шагнул. Не туда, где было безопаснее, а в единственную, невероятно узкую точку, где все траектории расходились. Как будто он заранее знал карту этого взрыва.

— Это… невозможно, — выдохнула она.

— Повезло! — пробормотал Лука.

Но это не было везением. Поединок продолжался. Элиас метал заклинания, смешивая грязные трюки с мощными артефактными выбросами. Он пытался ловить, опутывать, ослеплять, калечить. Каждая его атака была смертельно опасной в учебных рамках. А Виктор…

— Он не дерётся, — прошептала Тилия, её голос стал монотонным от шока. — Он… читает. Смотри. Уклон, кувырок, шаг в сторону. Ни одного лишнего движения. Ни одного блока. Он даже не пытается контратаковать по-настоящему. Только эти жалкие «импульсы», которые бьют не в него, а в его жезлы или под ноги. Как будто… как будто он знает, куда Элиас будет заряжать следующее заклинание. За секунду до того, как это делает Элиас.

— Он что, ясновидящий? — прошептал Лука, уже не пытаясь шутить.

— Хуже, — глаза Тилии горели холодным, аналитическим ужасом. — Ясновидение — пассивно. А он… он действует с абсолютной предсказуемой эффективностью. Такое чувство времени, такое понимание тактики противника… Этого нет даже у профессоров по дуэльной магии. Это уровень архимагов. Или… грандмагов. Тех, кто видит бой не как набор действий, а как единую структуру.

Она смотрела, как Виктор, казалось бы, на грани падения, находит единственный путь к спасению в хаосе поднимающихся камней и невидимых лезвий. Это было красиво. Странно, жутко, но красиво, как идеально решенное уравнение.

Но что-то было не так. Она видела и это. Виктор не побеждал. Он только защищался. И на его лице, мелькавшем в лунных бликах, читалось не превосходство, а… адское, выматывающее напряжение. Как будто он балансирует на лез-

вии бритвы и знает, что в любой момент может сорваться.

— Он в ловушке, — вдруг осознала Тилия. — Он может избегать всего, что делает Элиас. Но он не может его остановить, не раскрыв… чего-то. Чего он боится показать.

Элиас, всё более яростный и обезумевший от того, что его атаки не достигают цели, в конце концов, совершил отчаянный шаг. С хрустом сломав жезл, он высвободил всю его энергию одним диким, хаотичным взрывом. Волна искаженной, ревущей магии, способной разорвать на части камень и сталь, заполнила двор, не оставляя путей к отступлению.

Тилия замерла. Вот он — конец. Теперь Виктору придется применить то, что он скрывает. Или погибнуть.

Она видела, как Виктор замер на мгновение. Его глаза, обычно такие сосредоточенные, вдруг расширились от чистого, немого ужаса. Не страха перед смертью. А страха перед… неизвестностью. Как будто карта, по которой он шел все эти две с лишним минуты, вдруг оборвалась.

И в этот самый миг Лука, глядя на часы с подсветкой, которые он вытащил «для хронометража», прошептал:— Две минуты… сорок две секунды. Ровно.

Взрывная волна, не встречая сопротивления, уже была в сантиметрах от Виктора. А он стоял, словно парализованный, глядя в пустоту перед собой. Что он видит? Чего ждет?

Тилия поняла, что они сейчас увидят либо смерть, либо тайну, которая, возможно, будет страшнее смерти. И она была не готова ни к тому, ни к другому.

***

Мгновение чистого, животного ужаса. Нитей нет. Карты нет. Только ревущая стена искаженной магии, стирающая все возможные будущее. Якорь — образ мастерской, спокойного упрямства — треснул, но не рассыпался. В его сердцевине что-то щелкнуло. Если нет пути, который можно *увидеть*, значит, нужно *создать*его. Наугад. Вопреки всему.

Мысли ускорились, время замедлилось. Он видел, как волна энергии ползет к нему, как на лице Элиаса, искаженном усилием и злобой, мелькает торжество. Виктор действовал на автомате, почти не думая.

Первое.Рука сама взметнулась, послав жалкий, ничтожный **«Импульс Силы»**— точь-в-точь как на публичной дуэли. Но на сей раз он бил не в точку напряжения, а прямо в солнечное сплетение раскрывшегося, ничего не ждущего Элиаса. Толчок воздуха, слабый, но неожиданный, заставил аристократа ахнуть и отшатнуться, на миг выпустив из-под контроля часть клубящейся перед ним энергии.

Второе.Самый страшный шаг. Виктор перестал сопротивляться древнему знанию внутри. Он не стал разворачивать полноценный **«Круг Вечного Движения»**. Вместо этого он, используя свое понимание структуры пространства, *свернул* его перед собой. Не в щит, а в… жёлоб, наклонную плоскость, невидимую водоворотную воронку. Он не поглощал энергию — он отчаянно, с надрывом, который резанул по его собственным каналам силы, *направил*этот ди-

кий поток в сторону. Куда? Ему нужно было обо что-то погасить, рассеять. Взгляд, скользя по двору, нашел цель — массивный, полуразрушенный угол старого здания из плотного темного камня.

Он повернул несуществующий жёлоб. Ревущий поток, уже почти коснувшийся его груди, дрогнул, свернул и со стоном рванул в указанном направлении. Виктор рухнул на колени, ощущая, как из него вытянули все внутренности через горло. Он был пуст, разбит, каждое дыхание обжигало.

Он поднял голову, видя, как сгусток энергии врезается в каменный угол. Камень не взорвался. Он… *поглощал*. Трескался, плавился, испарялся, гася чудовищную силу, но не сдерживая её полностью. Часть энергии, рассеянная, но всё ещё разрушительная, пробилась сквозь каменную пыль и полетела дальше, в темноту за углом здания. И там, в этой темноте, Виктор мельком уловил крохотное движение. Тень? Птица? Его затуманившийся разум не успел среагировать.

С трудом переводя взгляд, он увидел Элиаса. Тот, отброшенный собственным импульсом и неожиданным толчком Виктора, споткнулся, задел ногой о выступающую плиту и с глухим стуком ударился затылком о другой, острый камень. Его тело обмякло, глаза закатились. Без сознания.

Бежать. Нужно было бежать, пока Элиас не очнулся, пока кто-то не пришел на звуки взрыва. Виктор попытался встать, его ноги подкосились. Но что-то гнало его вперед. Не к выходу. К тому углу здания. К той точке, куда ушел остаток

энергии. Леденящее предчувствие, сильнее страха и усталости, тащило его за собой.

Он дополз, опираясь на груду битого кирпича, и заглянул за угол.

Мир остановился.

Тилия. Она лежала на груде щебня, неестественно скрючившись. Её левая рука и плечо выглядели… сплющенными, обугленными, будто по ним проехался раскаленный каток. Лицо было белым как мел, рот приоткрыт в беззвучном крике. В нескольких метрах от нее Лука лежал на спине, казалось, невредимый, но абсолютно бездвижный, с тонкой струйкой крови из носа.

Нет. Нет-нет-нет-нет.

Этот внутренний вопль был громче любого рева магии. Он подполз к Тилии, его руки тряслись. Он знал, что должен делать. И знал, что этого делать нельзя *никогда*. Это был прямой, бесповоротный приговор всей его миссии, его скрытности, всему. Но он смотрел на её искалеченное плечо, на её лицо, и внутри что-то твердое и холодное, последний обломок якоря, принял решение за него.

Он сорвал с шеи гематитовый кулон — дешевую защиту от сглаза, подарок матери, — сжал его в кулаке, чувствуя, как камень впивается в ладонь. Он обратился внутрь, к тихому, вечному гулу Печати, к Гримуару.

Наставник! Помоги! Я… я не могу иначе. Я должен! В сознании повисла тяжелая, укоризненная пауза. Потом про-

звучал голос, полный невыразимой печали и… понимания.*Ты переступаешь черту, Страж. Следы этой магии… их не скрыть от того, кто захочет искать. Ты ставишь под удар всё.Я ЗНАЮ! — мысленно закричал Виктор. — Но она умрёт!*Ещё одна пауза.…*Делай. Я направлю тебя. Но будь готов к последствиям.*

Виктор положил окровавленную ладонь со знаком на обугленное плечо Тилии. Он закрыл глаза, отбросив всё — страх, боль, будущее. Он искал в её теле, в её изувеченных тканях, *память*о целостности. Он находил обрывок за обрывком, крик клетки, помнившей, как быть здоровой. И мягко, с бесконечным, мучительным терпением, он начал их убеждать. Вспомнить. Собраться. Зажить.

Это было не исцеление. Это было переписывание реальности на крошечном, личном уровне. Кость, медленно, со скрежетом, начала восстанавливать форму. Обугленная кожа слезала, уступая место розовой, новой. Он чувствовал, как его собственная жизненная сила, его магия, его самая суть перетекают в неё, замещая собой утраченное. Он горел изнутри, плавился, опустошался.

Он почти закончил. Рука была цела, хоть и слаба, как у новорожденного. Цвет возвращался к её лицу. Он убрал руку, видя перед собой уже не изуродованное тело, а спящую, исстрадавшуюся девушку с шрамом, который выглядел старым, а не только что полученным.

И тогда силы окончательно оставили его. Мир накренил-

ся, потемнел и рухнул в бездну. Последнее, что он видел перед тем, как сознание погасло, было лицо Тилии, и странная, неземная тишина во дворе, нарушаемая лишь его собственным прерывистым дыханием и далекое, обвиняющее эхо молчания Гримуара.

***

Адреналин пенился в крови, заглушая все, кроме жгучей ненависти и торжества. Две с лишним минуты этого фарса! Этот выскочка, этот нищий Григ, уворачивался, как угорь, парировал жалкими толчками, не атаковал, не дрался — он *издевался*. Каждое движение Элиаса, каждая купленная за большие деньги, отточенная с частным учителем техника разбивались о какую-то необъяснимую, леденящую предсказуемость. Это было не по силам. Это было колдовство какое-то.

Ярость, смешанная с паническим стыдом («Что, если увидят? Что, если узнают?»), достигла точки кипения. Разум отключился. Остался лишь животный порыв стереть это оскорбительное существо с лица земли. С хрустом, отдающимся в костяшках пальцев и в душе, он переломил левый жезл.

Мгновение — и вселенная сжалась до ослепительной точки. Он чувствовал, как чуждая, дикая сила, которую он так бережно копил и лелеял как тайное оружие, рвется на свободу. Не для изящной победы. Для тотального уничтожения. Он видел, как волна искаженной, ревущей энергии, цвета гниющего пурпура и сажи, ринулась вперед, сметая камни и

воздух на пути к Григу. Видел, как тот, наконец, замер, глаза его расширились от того самого, сладкого для Элиаса страха. *Да! Смотри! Смотри на свою гибель, грязь!*

Триумф длился одно сердцебиение.

Что-то щелкнуло в воздухе перед Григом. Слабо, жалко. Как комар. Элиас даже не сразу понял, что это — тот самый проклятый **«Импульс Силы»**. Он ударил его в солнечное сплетение, выбив воздух и на миг перечеркнув концентрацию. Это был укол булавкой титану, но этого хватило.

А потом… потом произошло нечто, чего Элиас не понял вовсе. Ревущая стена энергии, уже почти поглотившая Грига, вдруг дрогнула, свернулась и, описав невозможную дугу, с воем рванула в сторону, в темноту, в угол старого здания. Каменная пыль взметнулась столбом.

Нелепый толчок, потеря равновесия. Нога подломилась о какую-то скрытую в траве плиту. Мир опрокинулся, небо промелькнуло перед глазами, и затылок с оглушительной, короткой болью встретился с чем-то неумолимо твердым.

Тьма. Густая, мгновенная, без сновидений.

Сознание вернулось обрывками. Сначала — тупая, раскачивающаяся боль в затылке. Потом — холод земли под щекой. Сквозь звон в ушах пробивались голоса. Далекие, но быстро приближающиеся. Взволнованные, громкие.

— …со стороны старого полигона!

— …нарушение всех правил! Чужая магия!

— …живы ли там кто?

Преподаватели. Мысль, холодная и острая, пронзила туман в голове. Ледяная волна страха смыла остатки боли. *Они идут сюда. Сейчас.*

Инстинкт самосохранения, вышколенный годами жизни под прицелом отцовского неодобрения, сработал быстрее разума. Он вскочил, пошатнулся, мир поплыл. Из глаз брызнули слезы от боли. Но ноги держали.

Его взгляд метнулся по двору. Камень, о который он ударился, был в пятнах его крови. Пыль оседала. И там, в центре, лежал Григ. *Целый*. Не превращенный в пепел, не разорванный на куски. Он просто… завалился на груду щебня, без движения, будто силы оставили его. Рядом валялись обломки его, Элиаса, жезлов. Улики.

Мысль работала с лихорадочной скоростью. *Бежать. Сейчас. Стереть следы в комнате. Придумать алиби. Они не видели меня. Они найдут его и обломки. Спросят. Он может говорить…* Но Григ был без сознания. Возможно, ранен. Возможно, умирает. От этого стало еще страшнее.

С последним усилием воли он рванулся с места, не оглядываясь, в противоположную от голосов сторону, в густую тень разрушенной арки. Его ноги, подчиняясь панике, несли сами, спотыкаясь о корни и камни. Звон в ушах сливался с нарастающим шумом преследования в его воображении.

Дверь его комнаты в богатом крыле общежития захлопнулась. Он прислонился к ней спиной, скользя на пол. Дрожь, которую он сдерживал, вырвалась на свободу, сотрясая все

тело. Пахло дорогим мылом, воском для мебели и страхом.

То, что он натворил, обрушилось на него всей тяжестью. Запрещенные артефакты. Попытка… нет, *совершенное* нападение с целью… с целью чего? Убийства? Он не хотел убивать. Он хотел унизить, сломать. Но жезлы… эта энергия… она могла убить. Убила бы, если бы не это необъяснимое уклонение Грига.

«Если узнают…» — шепотом прошептал он в темноту.

Картина была ясна и ужасна. Исключение. Позорное, громкое, с привлечением магического совета. Конфискация имущества для выплаты штрафов. А отец… Отец, для которого репутация и сила были всем, уже и так считал его слабым, бесталанным прожигателем денег. Он не просто откажется от него. Он *отречется*. Вычеркнет из семьи, лишит имени, наследства, покровительства. Он станет изгоем. Нищим. Хуже, чем Григ. Хотя у того никогда ничего не было. А он… он потеряет *все*.

Муки совести — смутные, неприятные уколы где-то глубоко — тонули в паническом, эгоистичном страхе за себя. Он не думал о Григе, о возможных других жертвах за той стеной. Он думал о своем крахе. О насмешках. О холодном взгляде отца.

«Нет, — прошипел он, — Нет-нет-нет. Этого не должно случиться».

Он должен был что-то сделать. Очистить комнату. Уничтожить все записи о покупке жезлов. Придумать историю.

Может, свалить все на Грига? Сказать, что тот напал первым, с неведомой силой, а он лишь защищался? Но как объяснить сломанные жезлы? Как объяснить следы чужой магии, которые наверняка найдут?

Головная боль нарастала, смешиваясь с паникой в ядовитый коктейль безысходности. Он сидел на полу в своей роскошной клетке, трясясь от страха перед будущим, которое сам же и подписал в приступе слепой ярости. Триумф обернулся прахом. И теперь он боялся не проигрыша, а грядущего возмездия, которое могло отнять у него куда больше, чем честь на дуэли.

Глава 7 Цена молчания

Сознание возвращалось медленно, продираясь сквозь вату боли и глухой, гудящей пустоты. Первым ощущением был запах — резкий, чистый, химический. Настойка арникеи, окопник, озон после сильных целительных заклятий. Лазарет.

Виктор открыл глаза, и белый, безликий потолок расплылся в мутных пятнах. Он попытался пошевелиться — тело отозвалось глухой, разлитой болью, как после долгой истязающей работы, но не острой, не разрывающей. Он был цел. Слишком цел, учитывая то, что должно было с ним произойти.

Он осторожно повернул голову. На соседней койке, под белой простыней, лежал Лука. Он был бледен, но дышал ровно, глаза открыты и уставленно смотрели в тот же потолок. Увидев движение, Лука медленно перевел на него взгляд. В его обычно оживленных глазах была пустота и тихий, непроходящий шок. Он молчал.

— Лука? — голос Виктора прозвучал хрипо, будто его горло драли песком.Рыжий парень лишь едва заметно покачал головой, не в силах или не желая говорить. Он снова уставился в потолок. Этот тихий, сломленный Лука был страшнее любого крика.

Виктор сглотнул. Где Тилия? Последнее, что он помнил…

ее обугленное плечо, ее лицо… и затем темнота. Ужас, холодный и липкий, сжал его горло. *Она жива? Она… помнит?*

Дверь в палату тихо открылась. И вошла она.

Тилия. Она двигалась чуть скованно, левая рука была зафиксирована повязкой у груди, но она шла сама. Лицо было бледным, под глазами темные круги, но взгляд… взгляд был ясным, острым и невероятно усталым. Она увидела, что Виктор не спит, и на секунду замерла в дверях. Их глаза встретились. В ее взгляде не было обвинений. Не было страха. Была какая-то тяжелая, непроницаемая мысль, которую Виктор не мог расшифровать.

Она подошла сначала к койке Луки, положила здоровую руку ему на лоб.

— Как ты?Лука снова молча покачал головой, но на сей раз в его взгляде мелькнуло что-то живое — стыд? Вина?

— Ничего, — тихо сказала Тилия. — Молчи. Я все понимаю.

Потом она повернулась к Виктору. Подошла и села на табурет возле его койки. Долго смотрела на него, будто пытаясь разглядеть что-то под его кожей.

— Ты… — начала она и замолчала, подбирая слова. — Ты выглядишь лучше, чем я ожидала.

— Ты тоже, — выдавил Виктор. Это была глупость. Он видел ее рану. Он *помнил* ее рану. А сейчас она выглядела так, будто получила тяжелый ушиб месяц назад, а не страшное увечье несколько часов тому назад, или дней? Сколько

он тут лежит? Его собственная магия, древняя и запретная, работала. И оставила следы.

— Что… что случилось? Что помнишь? — спросил он, боясь услышать ответ.

Тилия отвела взгляд, рассматривая складку на его простыне.

— Преподаватели нашли нас. Меня, тебя, Луку. Элиаса не было. — Она сделала паузу. — От старого флигеля осталась половина. Камень местами сплавлен в стекло. Сильнейший след чужой, деструктивной магии. И… следы другой. Сложной. Очень сложной. Профессор Велин, который пришел с инспекцией, долго ходил вокруг, щурился и что-то бормотал про «несвойственные резонансы».

Сердце Виктора упало. Они нашли следы.

— А что… что ты им сказала? — его голос был чуть больше шепота.

Тилия снова посмотрела на него. В ее глазах была та самая непроницаемая дума.

— Я сказала, что ничего не помню. Что мы с Лукой… — она кивнула в сторону молчащего рыжего, — …гуляли, услышали взрыв, прибежали посмотреть, и нас накрыло волной от второго взрыва. Потеря сознания, провал в памяти. Стандартная история при травмах такого рода. Они кивали, делали заметки. Но не верили. Особенно в мою часть про «прогулку». — Уголок ее рта дрогнул в попытке улыбки, которая не получилась. — Но у них нет доказательств обрат-

ного. У Луки — шок, он не говорит. У меня — амнезия. А ты…

— А я? — Виктор почувствовал, как холодеют ладони.

— Ты был без сознания. Самый «чистый» свидетель. На тебе нет следов посторонней магии, кроме легкого энергетического шока. Как будто ты просто… оказался не в том месте и упал в обморок от перегрузки.

Она говорила ровно, но каждое слово било в одну точку. *Она покрывает тебя. Она лжет.* Но почему? Она должна была видеть… должна была чувствовать, что произошло с ее раной.

— Твое плечо… — не удержался он.

Тилия автоматически потянулась здоровой рукой к забинтованной, прикоснулась.

— Да. Странно, правда? Врачи говорят — сложный ожог и компрессионный перелом со старыми признаками начала регенерации. Говорят, мне невероятно повезло, что травма была «чистой» и организм сам запустил процессы. Или… — она сделала паузу, снова впиваясь в него взглядом, — …или что-то *помогло* им запуститься. В самый критический момент.

Она не задала вопрос вслух. Она положила его перед ним, как отшлифованный камень, и ждала, что он с ним сделает. Признается? Продолжит ложь?

Виктор молчал. Внутри бушевала буря. Благодарность. Ужас. Страх за нее. Теперь она была в курсе. Не всего, но в

курсе того, что он — не тот, кем кажется. И что она стала соучастницей, солгав ради него.

— Спасибо, — наконец прошептал он, и это было единственное честное, что он мог сказать.

— Не за что, — так же тихо ответила Тилия, и в ее голосе впервые прозвучала усталая горечь. — Я сделала это не для тебя. Я сделала это для нас. Для Луки. Чтобы этот кошмар поскорее закончился, и нас не втянули в расследование, которое… — она запнулась, — …которое может задать вопросы, на которые у нас нет правильных ответов. Или есть, но эти ответы никому нельзя говорить.

Она встала, пошатнувшись, и оперлась на спинку табурета.

— И да… — ее голос стал совсем тихим, почти неразличимым. — Когда я очнулась, до прихода взрослых… я видела, как с твоей руки сползал свет. Такой странный, теплый. Как будто само солнце утекало в камень подо мной. Я, наверное, это тоже придумала. От шока. Правда?

Она не ждала ответа. Она вышла, тихо закрыв дверь.

Виктор остался лежать, глядя в белый потолок, чувствуя, как стены лазарета — этого чистого, стерильного места — медленно сдвигаются, превращаясь в клетку. Он спас жизнь. И, возможно, подписал смертный приговор всему, ради чего жил последние месяцы. Тилия знала. И его тайна теперь жила не только в нем и в древнем Гримуаре. Она жила в испуганных глазах Луки и в тяжелом, думающем взгляде по-

други, которая солгала, чтобы защитить его, и теперь навеки связала свою судьбу с его опасной правдой. Молчание было куплено дорогой ценой. И он с ужасом понимал, что это — только первый платеж.

На третий день, когда Виктора уже перестали пичкать укрепляющими зельями и перевели в разряд «наблюдаемых», к нему пришли за разъяснениями. В палату вошли профессор Велин и старейшина Гродд. Лицо Гродда было багровым от сдерживаемого гнева, Велин же смотрел на Виктор с холодным, аналитическим интересом.

— Ну, Григ, — начал Гродд, не давая ему опомниться. — Лазарет, разрушения, двое твоих друзей в шоке. И ни единой зацепки, что там произошло на самом деле. На месте нашли только вас троих. Ни следов, ни чужих артефактов, ничего. Объяснись. И лучше правдиво.

Виктор сделал вид, что с трудом приподнимается на подушках. Внутри всё сжалось, но якорь — образ спокойного упрямства — дрогнул и выстоял. Он опустил глаза, играя роль смущенного и напуганного ученика.

— Я… я пытался повторить тот эксперимент, — тихо начал он. — Тот, из-за которого было землетрясение. Но не призыва, а стабилизации. Мне казалось, я понял, где ошибся тогда. Хотел проверить… в безлюдном месте, чтобы никому не мешать и ничего не повредить. Я думал, старый полигон идеален — всё уже давно сломано.

Гродд фыркнул. Велин приподнял бровь.

— И? — сухо спросил Велин.

— Я, видимо, опять в чем-то ошибся, — Виктор позволил своему голосу дрогнуть. — Я активировал круг… и почувствовал, как энергия уходит не туда. Не в мой фокус, а куда-то вглубь, под землю. Потом была вспышка, удар… и я очнулся уже здесь. Я не знаю, откуда взялись Тилия и Лука, честно! Думал, там никого нет!

— Безрассудство! Неслыханное! — загремел Гродд. — Ты, отбыв наказание всего три дня назад, снова лезешь туда, где уже однажды нанес ущерб академии! Ты хочешь, чтобы тебя выгнали к чертям?!

Но профессор Велин поднял руку, останавливая поток гнева. Его взгляд скользил по лицу Виктора, словно он пытался разгадать сложную теорему.

— Под землю, говоришь? — переспросил он. — Это… странным образом стыкуется. Наши специалисты не нашли следов кого-либо ещё. Но отметили аномальные геомагические колебания в той точке и… слабые, почти стертые эхо-следы очень древней, инертной магии в грунте. Как будто что-то дремало там веками и было… резко пробуждено и разрушено твоим вмешательством. Это объяснило бы и всплеск, и то, почему не осталось иных следов — энергия была не чужой, а высвобожденной из места.

Виктор молча кивнул, делая вид, что потрясен этим открытием. *Элиас замел следы. Идеально. Или ему помогли.*

Велин обменялся многозначительным взглядом с Гродд-

дом. Гнев на лице старейшины начал сменяться привычным раздражением, смешанным теперь с долей вымученного интереса.

— Так, — проворчал Гродд, потирая переносицу. — Вырисовывается картина. Упрямый осел-ученик, решивший повторить свой провальный опыт, случайно натыкается ритуальным кругом на остатки древнего, запечатанного геомагического узла или реликтовый артефакт. Его ритуал становится детонатором. Объект разрушается, выделив всю накопленную за века энергию одним взрывом. Этим и объясняются разрушения и отсутствие других виновных.

— А присутствие других студентов — несчастная случайность, — добавил Велин, его взгляд стал отстраненным, как если бы он мысленно ставил точку в деле. — Они, судя по их показаниям, могли следовать за тобой из любопытства или, как они утверждают, просто оказались рядом. Волной их отбросило. Ты же, как инициатор, находившийся в эпицентре в момент детонации, получил контузию и шок.

История была причесана, упакована и признана официальной версией: *несчастный случай в результате несанкционированного, но научно мотивированного эксперимента, осложненного непредвиденным внешним фактором (древний геомагический феномен).*

Когда профессора уходили, Гродд, уже в дверях, обернулся и бросил Виктору:

— И чтоб я больше ни о каких твоих «экспериментах» не

слышал! — Его голос гремел, но в нём уже чувствовалась усталость от всей этой истории. Он тяжело вздохнул, и в его тоне прорвалось что-то, отдаленно напоминающее снисхождение. — Упрямство — глупость. Но упрямство в поисках знания… иногда двигает науку. Не дай этому «иногда» превратиться в очередные руины.

Дверь закрылась. Виктор остался один, если не считать безмолвного Луки. Давление в груди немного ослабло, но тревога никуда не делась. Его алиби сработало. Его сочли безрассудным, упрямым, но *перспективным* чудаком, случайно наткнувшимся на тайну. Таких в истории магии было много. Это была удобная маска.

Но факт оставался фактом: Элиас исчез. Бесследно. И это было страшнее, чем если бы его нашли. Он был где-то там, скрытый, обиженный и, возможно, знающий теперь, что Виктор — не просто выскочка-ученик. Он стал невидимой угрозой, тенью, которая могла вернуться в любой момент. Цена этого «оправдания» оказалась двойной: внешнее спокойствие в обмен на скрытую, неисчезнувшую опасность.

***

Три дня. Семьдесят два часа адского ожидания. Элиас не выходил из комнаты, распространив слух о своей болезни — что, в общем-то, было правдой. Его мутило от страха. Каждый скрип половицы за дверью, каждый отдаленный голос в коридоре заставлял его сердце бешено колотиться. Он ждал тяжелых шагов стражи, стука в дверь, ледяного голоса дека-

на, а за ним — сурового взгляда отца. Он представлял себе, как его публично ведут через академию, как срывают с него знаки отличия дома Велис.

Но час шел за часом, а ничего не происходило.

Сначала он думал — это игра. Они собирают неоспоримые доказательства. Потом — что его отец уже вмешался и замёл дело, но не сообщил ему из презрения. Но от отца не пришло ни единого письма, ни одного гонца. Тишина была оглушительной.

На третий день он, трясущимися руками, достал спрятанные газеты. Несколько строк на третьей странице «Вестника Аэлиона»: «Инцидент на заброшенном полигоне ИМА. В результате несанкционированного ученического эксперимента, задевшего реликтовый геомагический пласт, пострадало три студента. Расследование продолжается». Ни одного имени. Ни одного намёка на дуэль, на запрещённые артефакты, на него.

И тогда до него начало доходить. Его не ищут. Его имя не фигурирует. Григ… Виктор… не сдал его. Тот, кого он чуть не убил в приступе слепой ярости, не назвал его имени. Даже несмотря на то, что свидетелями стали его друзья.

Это открытие не принесло облегчения. Оно принесло что-то другое — стыд, тяжелый и едкий, как дым. И недоумение. *Почему?* Почему этот нищий, этот выскочка, обладающий такой странной, пугающей силой, не воспользовался моментом, чтобы раздавить его окончательно? Это было бы так

просто. Одна фраза — и карьера, репутация, будущее Элиаса Велиса рассыпались бы в прах.

Вместо этого Григ выбрал путь, который был для Элиаса непостижим: он взял вину на себя. Снова. Как и год назад, с землетрясением. Он предстал перед начальством безрассудным, но безобидным чудаком, а не жертвой нападения.

Ледяной ком страха в груди Элиаса начал медленно таять, оставляя после себя мерзкую, холодную лужу осознания. Он проиграл. Не в магии — там исход был странным и неочевидным. Он проиграл как человек. Григ, которого он презирал за бедность и упрямство, оказался… великодушным? Нет, не то слово. Безрассудно благородным. Или расчетливо мудрым. Но в любом случае — *сильнее*. Сильнее там, где Элиас даже не думал соревноваться.

Мысль о том, чтобы извиниться, сначала показалась абсурдной, унизительной. Но она, как червь, завелась в голове и не давала покоя. Он пытался заглушить её, представляя, как снова одержит верх, как найдёт способ раскрыть секрет Грига и использовать его. Но эти фантазии теперь казались пустыми и детскими. Он видел лицо Грига в тот миг, когда нити вероятности оборвались, — не страх врага, а ужас человека, оказавшегося на краю бездны, которую *он*, Элиас, и раскрыл. Он сломал жезл. Он выпустил джинна. И единственный, кто хоть как-то остановил катастрофу, был его жертва.

К концу третьего дня решение созрело, горькое и твёрдое,

как незрелое яблоко. Он не знал, как это сделать. Не знал, что сказать. Но он должен был попытаться. Хотя бы посмотреть ему в глаза. Не как соперник — как должник.

На четвертый день, поборов остатки страха, он впервые вышел из комнаты. Академия жила своей жизнью, готовилась к летним каникулам. Никто не бросал на него подозрительных взглядов. Мир не рухнул.

Он зашёл в столовую в час наименьшего скопления народа, надеясь случайно увидеть его. И увидел.

Виктор Григ сидел один у дальнего окна, перед ним стояла почти нетронутая тарелка. Он выглядел… спокойным. Усталым, осунувшимся, но не сломленным. Его взгляд был рассеянно устремлён в окно, на зелёные кроны деревьев. Он не заметил Элиаса.

Элиас замер у входа, внезапно осознав, что у него перехватило дыхание и похолодели ладони. Вся выстроенная в голове речь, все напускное равнодушие испарились. Он увидел не загадочного мага, не унизившего его соперника, а просто человека. Человека, которого он попытался уничтожить и который, вместо ответного удара, молча встал между ним и последствиями.

И в этот момент Элиас понял, что «помириться» — слишком простое слово для того, что ему нужно сделать. Ему предстоит не обмен рукопожатиями. Ему предстоит переступить через гордыню, которая была фундаментом всей его жизни. И первый шаг — просто встретиться с этим взглядом.

Он не сделал его. Не сейчас. Он лишь стоял, прижавшись к косяку, наблюдая, как Виктор отодвигает тарелку и медленно поднимается, чтобы уйти. Их пути ещё не пересеклись. Но теперь Элиас знал, что это пересечение неизбежно. И от того, как он себя на нём поведёт, возможно, зависит уже не его репутация, а что-то большее, что он только начинал смутно осознавать — остатки собственного достоинства.

***

Столовая гудела привычным шумом, но для Виктора этот гул был словно приглушен толстым стеклом. Он сидел один у окна, механически ковыряя вилкой в картофельном пюре. Оно остыло и покрылось неприятной плёнкой. Кусок хлеба, который он попытался проглотить, встал комом в горле. Он запил водой, чувствуя, как она ледяным потоком стекает в пустой желудок.

Тилия и Лука не пришли. Они, конечно, были «заняты». Лука, после выхода из лазарета, стал избегать его взгляда, отвечая односложно и сразу находя причину уйти. Тилия… с Тиллией было сложнее. Она не избегала, но между ними повисла стена. Не враждебности, а осторожной, тяжёлой дистанции. Она смотрела на него тем самым взглядом — тем, что видел слишком много. Он спас её жизнь, использовав запретную силу, и теперь эта тайна, как невидимая цепь, одновременно связывала их и отталкивала. Он понимал, что ему придётся заново завоёвывать их доверие. И не знал, с чего начать, когда правда — единственное, что может помочь, —

это именно то, что он никогда не сможет сказать.

С отвращением отодвинув тарелку, он поднялся и направился к выходу, чувствуя, как на него смотрят чужие, любопытные взгляды. «Вот он, тот самый Григ, который устроил второй взрыв». Он старался не замечать.

И почти столкнулся с ним в дверном проёме.

Элиас.

Вся внутренняя собранность, весь якорь мгновенно напряглись, готовясь к новому выпаду, к ядовитому комментарию, к обещанию реванша. Виктор остановился, встретив его взгляд. Он ожидал увидеть злобу, презрение, холодную ненависть.

Но увидел нечто иное. Глаза Элиаса были спокойны и немного усталые. В них не было привычного огня высокомерия. Была сложная смесь решимости, неловкости и чего-то, что Виктор с первого раза не определил.

— Григ, — произнёс Элиас. Его голос был тихим, без обычных театральных нот. — Нам нужно поговорить.

Это было настолько неожиданно, что Виктор на секунду опешил. Он кивнул, не в силах вымолвить слово.

— Не здесь, — коротко бросил Элиас и, развернувшись, пошёл в сторону бокового выхода, ведущего в академический парк. Виктор, после мгновения колебаний, последовал за ним.

Они шли молча, углубляясь в аллею, заросшую старыми липами. Солнечный свет пробивался сквозь листву, рисуя на

земле дрожащие пятна. Здесь было тихо и безлюдно. Элиас остановился, повернулся к нему и, скрестив руки на груди, прямо посмотрел в глаза.

— Я тебя искал, — начал он. — Три дня ждал, когда за мной придут. Когда отец пришлёт письмо с отречением. Когда твои друзья начнут указывать на меня пальцами. Ничего не произошло.

Виктор молчал, позволяя ему говорить.

— Я знаю, что это ты. Не сдал меня. Даже после… того, что я сделал. — Элиас слегка отвел взгляд, его челюсть напряглась. — Я не буду извиняться. Извинения сейчас звучали бы фальшиво и ничего бы не изменили. Ты вправе ненавидеть меня. Более чем.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями.

— Но я пришёл сказать две вещи. Первая: спасибо. За… за молчание. Ты поступил так, как поступил бы я на твоём месте, если бы… если бы я был способен на это. — В его голосе впервые прозвучала горькая, безжалостная к себе самому искренность. — Ты спас мне больше, чем просто репутацию. Ты дал шанс… пересмотреть некоторые вещи.

Виктор слушал, всё ещё не веря своим ушам. Это был не Элиас. Это была его тень, отброшенная страхом и стыдом, но говорившая человеческим голосом.

— И вторая, — продолжил Элиас, снова встречая его взгляд. Его поза, его тон стали чуть более привычными, аристократически сдержанными, но без прежней ядовитости. —

Мы не станем друзьями. У нас разный мир, разная кровь, разное… всё. Это невозможно и не нужно ни тебе, ни мне.

Виктор почти неосознанно кивнул. Это была правда.

— Но отныне, — голос Элиаса стал твёрже, в нём зазвучала неотвратимость клятвы, — я тебя уважаю. Не за ту странную силу, которую ты прячешь. Не за умение уворачиваться. Я уважаю тебя за тот выбор, который ты сделал потом. За то, что ты взял вину на себя, зная, что мог разрушить меня. Это… это поступок человека чести. Какого бы происхождения он ни был.

Он выпрямился, и в его облике снова появился отзвук того самого, надменного аристократа, но теперь это было не оружие, а доспех. Защита для того, чтобы произнести следующее.— Поэтому считай, что отныне у тебя нет врага в лице дома Велис. По крайней мере, пока ты сам не нападёшь. И если… если тебе когда-нибудь понадобится что-то в пределах светского общества, какой-то доступ, какая-то информация, которую не найти в твоих подвалах — ты можешь обратиться ко мне. Один раз. В счёт этого долга.

Сказав это, он слегка, едва заметно кивнул — не поклон, а скорее, знак принятия факта. И, не дожидаясь ответа, развернулся и пошёл прочь, быстро скрывшись за поворотом аллеи.

Виктор остался стоять один под шелестом лип. В ушах звенела тишина, нарушаемая лишь пением птиц. Он чувствовал странную, почти невесомую пустоту там, где раньше

сидело ожидание постоянной угрозы. Элиас… признал его. Не как равного по статусу, а как человека, заслуживающего уважения. Это было невероятно. Это меняло правила игры.

Но облегчение было горьковатым. Он добился уважения врага, заплатив за это потерей лёгкости в отношениях с друзьями. Он получил неожиданного, сомнительного союзника из мира, который презирал, в то время как его собственный мир — тёплый, шумный, состоящий из Луки, Тилии и простых радостей — дал трещину.

Он медленно выдохнул, глядя на свои руки. Знак Стража под рукавом слабо пульсировал, напоминая о его истинном долге. Возможно, именно так всё и должно было быть. Мир обычных людей и мир древней тайны всё больше расходились, и он был вынужден балансировать на грани между ними, получая странные дары и теряя что-то простое и важное. Он повернулся и пошёл обратно к академии, чувствуя себя не победителем, а просто человеком, сделавшим ещё один тяжёлый выбор на пути, конца которому не было видно.

Глава 8 Переход

Лето в Академии «Аэлион» было странным временем. Основная масса студентов разъезжалась по домам, и огромные каменные здания погружались в непривычную, гулкую тишину, нарушаемую лишь шагами оставшихся преподавателей да скрипом старых деревьев в парке. Для Виктора эта тишина стала отражением его внутреннего состояния.

Он пытался. После странного разговора с Элиасом, который оставил после себя не покой, а новую форму одиночества, Виктор бросил все силы на то, чтобы вернуть хоть что-то от прежней жизни. Он заставал Луку в мастерских, где тот, обычно такой оживленный, теперь молча корпел над безопасными алхимическими составами, избегая любых экспериментов.

— Лука, послушай, — начал Виктор в один из таких дней, прислонившись к верстаку. — Насчёт того, что случилось… Я хочу объяснить.

Лука не поднял головы, но его руки замерли над ступкой.

— Объяснить что? — его голос прозвучал глухо. — Что мы случайно оказались рядом? Что ты не видел, как мы за тобой шли? Тилия сказала, что это была её идея. Моя была — остаться в стороне. Но я пошёл. Потому что ты вел себя как придурок, а мы были твоими друзьями.

Он наконец взглянул на Виктора, и в его глазах стояла не

злоба, а усталая боль.

— И мы чуть не умерли, Виктор. Тилия… я видел её. До того как всё потемнело. Я думал, она умерла. А ты… ты лежал рядом, и с тобой вроде бы всё было в порядке. Как так?

Это был вопрос, на который не было безопасного ответа. Виктор открыл рот, чтобы повторить официальную версию, но слова застряли в горле перед этим искренним, раненым взглядом. Он не мог снова солгать Луке прямо в лицо. Но и правду сказать не мог.

— Я не могу всё объяснить, — прошептал он, и это была худшая из возможных фраз.

— Не можешь или не хочешь? — Лука отставил ступку, и его сжатые кулаки задрожали. — Мы же друзья! Или были? После всего этого… после того кошмара… у тебя есть какая-то тайна, которая важнее, чем то, что мы чуть не погибли из-за тебя? Или из-за твоей… твоей чёртовой гордыни, что ты всё должен делать в одиночку?

Это была несправедливость, резанувшая до глубины души, но Виктор не мог её опровергнуть. С точки зрения Луки, так оно и было.

— Это не гордыня, — с трудом выдавил Виктор. — Это… ответственность. За то, что знаю. И я не могу этим делиться. Это опасно. Для вас.

— Опаснее, чем то, что уже произошло? — Лука горько фыркнул. — Замечательно. Значит, нам остаётся просто верить, что в следующий раз, когда ты решишь «поэкспери-

ментировать» или ввязаться в какую-то тайную войну, мы снова окажемся рядом, чтобы подставить головы? Нет уж. Я не могу.

С этими словами Лука повернулся и вышел из мастерской, оставив Виктора одного среди запахов трав и окислов.

С Тиллией было ещё сложнее. Она не избегала разговоров, но каждый из них был похож на хождение по тонкому льду. Они встретились в почти пустой библиотеке, в их старом углу.

— Лука не разговаривает со мной, — сказал Виктор, глядя, как пылинки танцуют в луче света.

— Он боится, — тихо ответила Тилия, не отрываясь от свитка с иллюзорными схемами, который она уже полчаса не переводила. — Он боится не тебя. Он боится той ситуации, в которой оказался беспомощным. И твое молчание это лишь подтверждает: есть нечто, против чего его обычная магия и юмор бессильны.

— А ты? — спросил Виктор, набравшись смелости. — Ты тоже боишься?

Она наконец подняла на него глаза. В них не было страха. Была усталая, безжалостная ясность.

— Нет. Я анализирую. Я видела… достаточно. Чтобы понять, что ты — не тот, за кого себя выдаёшь. Ты что-то скрываешь, что-то большое. И это что-то способно на чудеса исцеления и, судя по всему, на странные боевые применения.

— Она отложила перо. — Я не требую, чтобы ты мне всё

рассказал. Потому что знаю — ты не расскажешь. И это… это и есть проблема, Виктор. Доверие — это улица с двусторонним движением. Ты спасаешь меня, используя то, о чём не можешь говорить, а потом ждёшь, что всё будет как прежде? Что я просто скажу «спасибо» и буду делать вид, что не заметила, как с твоих рук стекал свет, зашивающий мои кости? Так не работает.

Она встала, собрав свои вещи.

— Я ценю то, что ты сделал. Больше, чем могу выразить. Но между нами теперь эта… стена. Твоя тайна. И пока она есть, мы не можем быть теми друзьями, какими были. Мне нужно время. Может, много времени. Чтобы понять, как существовать рядом с тобой, зная, что я не знаю самого главного.

Последние дни перед разъездом прошли в тяжёлом, неловком молчании. Лука отвечал односложно и исчезал при первой возможности. Тилия была вежлива, но отстранённа, как с хорошим знакомым, с которым нет общих тем.

В день отъезда они собрались на главном посадочном поле, где на магически стабилизированных платформах замерло несколько такси-капсул — обтекаемых аппаратов, паривших в сантиметре над землей, с матовыми стеклами и мягким свечением рулевых кристаллов. Лука, увидев Виктора, быстро пробормотал что-то о забытых вещах и направился к дальней капсуле, уже жестикулируя водителю-автоматону через интерфейс. Тилия стояла рядом со своим скромным

нейлоновым чемоданом.

— Возвращаешься домой? — спросил Виктор, чувствуя нелепость вопроса.

— Да. В мастерскую к отцу. Буду разбирать старые иллюзорные ловушки, это успокаивает. — Она помолчала, наблюдая, как капсула Луки плавно взмыла и бесшумно скрылась за шпилями академии. — А ты?

— Остаюсь. Летняя практика в архивах, — соврал он. На самом деле он оставался для бдения. Для обучения. Для того, чтобы в тишине опустевшей академии можно было чаще и безопаснее проникать в Пещеру.

— Будь осторожен, — сказала Тилия, и в её голосе прозвучала неподдельная, тревожная забота, пробившаяся сквозь стену недоверия. Она прикоснулась к сенсорной панели своей капсулы, и дверь соскользнула в сторону с легким шипением. — Не с экспериментами. Вообще.

— Постараюсь.

Больше говорить было не о чём. Она зашла внутрь, дверь закрылась, и капсула, едва вздрогнув, бесшумно понесла её в сторону города, оставляя за собой лишь слабый след ионизированного воздуха.

Виктор стоял на опустевшем поле, пока последняя капсула не скрылась из виду. Тишина академии, теперь уже полная и завершённая, обрушилась на него. Он победил врага и заслужил его уважение. Но заплатил за это потерей друзей. Он спас жизнь, но принёс в неё раздор и недоверие.

Он медленно пошёл обратно в почти пустое общежитие, в свою каморку, где теперь не будет смеха Луки и язвительных, но точных комментариев Тилии. На столе лежал его старый светляк в медной оправе — анахроничный, тёплый символ той простой, человеческой жизни, которая, казалось, ускользала от него с каждым днём, растворяясь в холодном свете магических технологий и ещё более холодном свете древнего долга. Он прикоснулся к нему, но не стал зажигать.

Тьма в комнате была густой, но не такой всепоглощающей, как тишина в его собственной душе. Лето обещало долгие дни учёбы и бдения. И бесконечные, одинокие размышления о том, где проходит та грань, защищая которую, он теряет то, ради чего, возможно, и стоило её защищать.

Тишина опустевшей академии была не пустотой, а пространством, наполненным возможностью. В первые же дни после отъезда друзей, когда коридоры оглохли от отсутствия шагов, Виктор приступил к главному. Он закрыл дверь своей каморки, активировал простейшие руны молчания на стенах (теперь он делал это одним касанием и мысленным импульсом) и сел на жесткую койку, положив ладонь на знак.

Ты готов к следующему шагу, Страж?— голос Гримуара прозвучал в его сознании без призыва, будто ждал этого момента. *До сих пор ты приходил сюда лишь духом, проекцией. Тебе ведом «Нешагающий Переход» для сознания. Но чтобы по-настоящему учиться, тебе нужно быть здесь целиком. Плотью, костью, кровью.*

«Полный переход?» — мысленно переспросил Виктор, чувствуя одновременно трепет и предвосхищение.

Да. Это сложнее. Опаснее. Ты должен будешь не просто сдвинуть восприятие, а переписать свое местоположение в ткани реальности, используя Пещеру как якорь. Первые попытки будут… болезненными. Твое тело, воспитанное грубыми физическими законами твоего мира, будет сопротивляться. Но это необходимо.

Тишина опустевшей академии стала для Виктора не отдыхом, а муками в попытка полного перехода. Каждый день, запертый в своей каморке, он сражался не с врагами, а с самой структурой реальности. Гримуар наставлял его в **«Полном Переходе»**, и это оказалось куда сложнее простого переноса сознания.

Первые попытки были мучительны. Виктор концентрировался, настраивал внутренний резонанс с гудением Печати до болезненного звона в ушах, чувствовал, как знак на руке пылает. Но его тело, это привычное сочетание плоти и кости, отчаянно цеплялось за знакомые законы физики. Результатом были не переходы, а срывы: острые спазмы в мышцах, будто их пытались вывернуть, кровавые подтёки из носа и чувство, словно его душу вытягивают через игольное ушко, оставляя тело позади. Однажды он на миг материализовался в Пещере лишь до пояса, и боль от этого «разделения» была такой жуткой, что он с криком вернулся обратно, часами отходя от шока.

Гримуар не давал поблажек. *«Ты видишь тело как клетку. Оно — не клетка. Оно — одежда, сотканная из энергии и воли твоего мира. Ты должен научиться переплетать её нити с нитями места назначения»*. Ключом, как и всегда, оказалось не насилие, а понимание. Виктор перестал «тащить» себя силой. Он начал представлять своё тело не как твердый объект, а как сгусток вибраций, узор, временно принявший форму. Он искал в этом узоре «мелодию», созвучную вечному гулу Печати.

На пятнадцатый день, измождённый, но не сломленный, он медитировал, уже не стремясь к переходу, а просто пытаясь найти полную внутреннюю гармонию. И в этот миг равновесия сопротивление исчезло. Не было ни вспышки, ни хлопка. Воздух в комнате дрогнул, как поверхность воды от падения камня, и Виктор *оказался* в Пещере. Полностью. Он почувствовал под босыми ногами холод отполированного камня, вдохнул стерильный, заряженный силой воздух. Он поднял руки — они были целы, реальны. Он обернулся — за его спиной была лишь стена Пещеры, усыпанная сияющим узором. Связь с комнатой была бесшумно и чисто перерезана.

Добро пожаловать, Страж. По-настоящему, — прозвучал голос Гримуара, и в его безличном тоне Виктор уловил оттенок глубокого одобрения.

Однако, прежде чем Виктор успел испытать облегчение, Гримуар продолжил, и его слова повисли в воздухе тяжёлым,

неотвратимым обещанием:*«Теперь, когда врата для тебя открыты, начинается истинное обучение. То, что ты постиг до сих пор — детские упражнения. Для того чтобы нести свой долг, тебе необходимы основы. Глубинные основы. И специализация в определённых… аспектах нашей работы, которые сейчас тебе даже не представить. Тебе предстоит остаться здесь»*.

«Остаться? Надолго?» — мысленно спросил Виктор, и в голосе его прозвучала тревога. Академия, друзья, мир…

«Десять лет, Виктор», — прозвучал ответ, спокойный и не допускающий возражений.У Виктора перехватило дыхание. Десять лет! Это была целая жизнь. Он станет другим человеком, чужим для всех, кого знал.*«Не тревожься о времени в твоём мире, — как будто угадав его панику, продолжил Гримуар. — Песок в этих залах течёт иначе. Десять лет прилежного обучения здесь обернутся для внешнего мира… двумя месяцами летних каникул. Ты вернёшься к началу нового учебного семестра. Никто не заметит твоего отсутствия, кроме, возможно, накопившейся пыли в твоей комнате»*.

Виктор стоял, пытаясь осмыслить это. Десять субъективных лет. Два месяца объективных. Возможность погрузиться в знания, в силу, не теряя при этом своего места в мире. Это был и дар, и испытание. Какими он выйдет из этих десяти лет? Что останется от Виктора Грига, ученика?

«Решение должно быть твоим, — сказал Гримуар, хотя

оба знали, что выбора на самом деле нет. — Но знай: без этого знания ты — страж лишь по названию. Как часовой без глаз и ушей. Печать может вести себя непредсказуемо и то что она позволила тебе прийти сюда, говорит о том что у нее появились некие опасения, симптомы. А чтобы лечить болезнь, а не симптомы, тебе нужно понять её природу. Всю её природу».

Виктор посмотрел на свои руки — руки двадцатилетнего юноши, которые через десять лет обучения должны будут держать судьбу мира. Он взглянул на сияющую, бесконечно сложную Печать, тайны которой ему только предстояло постичь. Страх смешивался с жгучим, почти нестерпимым любопытством и чувством долга.

«Я остаюсь, — мысленно, но твёрдо произнёс он. — Обучайте меня».

«Хорошо, — прозвучало в его сознании, и страницы Гримуара сами раскрылись, испуская мягкий свет. — Начнём с самого начала. Забудь всё, что тебе кажется очевидным. Здесь время — твой союзник, а реальность — глина, ожидающая верного прикосновения. Десять лет… они пройдут быстрее, чем ты думаешь».

И перед Виктором, в сияющем пространстве Пещеры, как бы разверзлась бездна времени — не пустая, а наполненная образами грядущих уроков: танцующие структуры магии, лики древних стражей, мерцающие карты мироздания и тёмные, пульсирующие изъяны на теле Печати, которые ему

предстояло научиться читать и исцелять. Он сделал шаг вперёд — не в пространстве, а в этом новом для себя измерении долгого, сосредоточенного ученичества. Дверь в его старую жизнь тихо закрылась. На десять лет.

Первые недели в Пещере не были похожи на учёбу в привычном смысле. Это была системная ломка восприятия. Гримуар начал не с заклинаний или теории, а с принудительного переформатирования того, как Виктор видел, слышал и чувствовал окружающий мир.

Первый месяц: Тишина и Слои.

Гримуар запретил ему произносить слова вслух и требовал максимально ограничить внутренний диалог. «*Твой разум кричит, даже когда молчит рот. Он комментирует, оценивает, сравнивает с прошлым опытом. Здесь нет твоего прошлого опыта. Здесь есть только То, Что Есть. Научись просто быть*». Виктора заставляли часами сидеть или медленно ходить по Пещере, концентрируясь не на зрелищности узоров, а на их… *фоновом состоянии*. Он учился различать не «красивый серебряный свет», а основные «слои» реальности Пещеры:

Фундаментальный Гул:

низкочастотная, незыблемая вибрация самой Печати, её костяк.

Пульсация Энергии:

ритмичные, волнообразные токи силы, циркулирующие по каналам узора.

Дыхание Границы:

едва уловимое «движение» самой плоскости раздела между мирами, похожее на колебание гигантской мембраны.

Шёпот Материи:

тихое эхо отполированного камня стен и пола, его собственная, бесконечно медленная «жизнь».

Это было мучительно скучно и невероятно сложно. Его разум то и дело сбивался на привычные мысли («Что сейчас едят в столовой?», «Как там Лука?»), и каждый такой сбой Гримуар фиксировал ледяным, безмолвным укором. Но к концу месяца Виктор мог, закрыв глаза, чётко выделить каждый из этих «слоев» в общем симфоническом звучании Пещеры.

Второй месяц: Язык Касания.

Когда его восприятие было достаточно очищено, Гримуар разрешил ему прикасаться к Печати. Не физически — тем более что большая её часть была на стенах и своде, — а сознанием. Это называлось **«Наведённое Осязание»**.Виктор учился проецировать луч своего внимания на конкретную, крошечную точку узора — например, на переплетение двух линий размером с его ладонь. Его задача была не анализировать её, а *ощутить*её состояние. Здорова ли она? Напряжена? Находится в покое? Есть ли в ней малейшая «шероховатость» несовершенства?Первые попытки были подобны попытке прочитать рельеф карты кончиком одного пальца, будучи в толстых перчатках. Он чувствовал лишь общий по-

ток силы. Но постепенно, день за днём, его «ментальное касание» становилось тоньше. Он начал улавливать микроскопические неровности в потоке, едва заметные «холодные» точки (места потенциальной усталости) и тёплые, пульсирующие узлы (точки концентрации силы). Гримуар называл это **«Чтением Ткани»**— самым базовым навыком лекаря Печати.

Третий месяц: Первая Практика и Первая Опасность.

На третьем месяце Гримуар наконец дал ему первую активную задачу. В удалённом, специально подготовленном учебном секторе Пещеры (чем-то похожем на тир) была смоделирована стабильная, но искусственно «загрязнённая» точка. В неё был внедрён посторонний, инертный вибрационный шум, имитирующий воздействие извне.— *Твоя задача — очистить её. Не силой. Напоминанием,* — инструктировал его Гримуар. — *Найди в своей памяти эталонный «звук» здорового узора из соседней области. И очень мягко, как настраивают струну, предложи загрязнённой точке резонировать с этим эталоном. Смой диссонанс гармонией.*

Это заняло у Викторадве субъективные недели. Он сидел перед этой точкой, проецируя на неё своё внимание, снова и снова «напевая» ей в сознании чистую, правильную мелодию. Сначала ничего не происходило. Потом шум начал слегка дрожать. Затем — слабо подстраиваться. Момент, когда искажение окончательно рассеялось, и точка засветилась

ровным, ясным светом, стал его первой настоящей, крошечной победой. Он почувствовал не истощение, а прилив тихой, глубокой удовлетворённости.

Но в конце третьего месяца случился и первый инцидент. В попытке лучше «услышать» один сложный узел, Виктор неосторожно углубил своё «касание» больше, чем следовало. Его сознание словно провалилось в вихрь чистой, неструктурированной силы узла. Это было похоже на то, как если бы его бросили в центр водоворота. Он потерял ориентацию, связь с собственным телом, его захлестнул белый шум магической энергии. Паника, чистая и животная, охватила его.

Из хаоса его выдернул ледяной, режущий как сталь голос Гримуара: *«ЯКОРЬ! НЕМЕДЛЕННО!»*Инстинкт, вбитый за месяцы тренировок, сработал. Он судорожно ухватился за свой внутренний якорь — образ мастерской, тихого упрямого порядка. Хаотичный поток отступил, вытолкнув его сознание обратно в тело. Он рухнул на каменный пол Пещеры, тяжело дыша, с вкусом железа на языке и с ощущением, будто его мозг проскоблили наждаком.

«Урок усвоен?— сухо спросил Гримуар. — *Печать — не учебник. Это океан силы. Неуважение к её глубине утопит тебя быстрее, чем любое чудовище из Пустоты. Ты не должен бояться её. Но ты должен испытывать к ней абсолютный, трепетный пиетет. Одно неверное движение в реальной работе — и ты можешь не просто погибнуть. Ты мо-*

жешь порвать то, что призван защищать».

Виктор, всё ещё не в силах говорить, кивнул. Восторг от первой победы сменился холодным, трезвым осознанием ответственности и опасности. Он понял, что эти десять лет — не возможность стать всемогущим. Это необходимость стать *достаточно умелым*, чтобы не навредить хрупкому балансу величайшего творения в мире, просто пытаясь его починить.

Три месяца прошли. Он был другим. Взгляд стал спокойнее, глубже, в нём исчезла юношеская торопливость. Он научился молчать, слушать и чувствовать мир на уровне, о котором раньше не подозревал. Но он также ясно осознал, что стоит лишь в начале гигантской, тернистой тропы. Впереди были годы изучения истории, теории кризисов, основ «терапии» Печати и тех самых «специализированных аспектов», о которых Гримуар говорил так туманно. Но теперь у него был фундамент. И леденящее душу понимание истинной цены ошибки.

Глава 9 Ритмы и Тени

Первый субъективный год в Пещере пролетел для Виктора с одной стороны мучительно медленно, с другой — ошеломительно быстро. Медленно — потому что каждый день был наполнен до краев изнурительной концентрацией, многократным повторением одних и тех же, казалось бы, простейших действий. Быстро — потому что, оглядываясь назад, он с трудом узнавал того растерянного юношу, который впервые совершил полный переход. Его прежняя жизнь в академии, с её расписанием, лекциями и дружескими посиделками, стала отдалённым, почти чужим сном.

Основой всего по-прежнему оставалась **«Медитация Слоёв»**. Теперь он мог входить в это состояние за несколько вдохов, чётко выделяя четыре основных «голоса» Пещеры и ещё с полдюжины второстепенных обертонов. Он научился не просто слышать их, но и определять по малейшим изменениям в их гармонии «настроение» всего места. Лёгкая дрожь в **«Дыхании Границы»**могла означать повышенную активность с той стороны, едва заметное затухание **«Пульсации Энергии»**в определённом секторе — указывать на область, требующую внимания.

Гримуар углубил практику **«Чтения Ткани»**. Теперь Виктор работал не с отдельными точками, а с целыми, сложными узлами размером с человеческий торс. Эти узлы были

ключевыми — точками пересечения множества силовых линий, своеобразными «суставами» в теле Печати. Его задачей было проводить их полную «диагностику»: мысленно, миллиметр за миллиметром, сканировать каждый виток, каждое пересечение, ища малейшие признаки усталости, искажения или начинающегося разложения. Он научился различать десятки оттенков энергетического «здоровья»: от яркого, ровного свечения идеального состояния до тусклого, зернистого свечения области, долго находившейся под напряжением.

Самым сложным, но и самым важным навыком, освоенным к концу года, стало **«Эхо-отслеживание»**. Гримуар объяснил: любой сбой, даже самый микроскопический, не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда. Он оставляет следы — слабые, затухающие вибрации, расходящиеся по прилегающим каналам, как круги по воде от упавшего камня. Виктор учился, обнаружив аномалию, «прослушивать» эти эхо-волны, чтобы определить не только текущее состояние узла, но и возможную причину нарушения. Это требовало невероятной тонкости восприятия и напоминало выслеживание невидимого зверя по едва заметным помятым травинкам.

К концу года он уже мог самостоятельно, без подсказок Гримуара, провести диагностику небольшого сектора и составить его «карту здоровья», отмечая стабильные узлы, зоны внимания и единичные точки, требующие мягкой коррекции. Он перестал быть просто наблюдателем. Он стал ди-

агностом.

Именно тогда, в день, который Виктор условно отметил в своём сознании как годовщину пребывания в Пещере, Гримуар заговорил о новом этапе.

«Ты научился слушать и читать. Теперь пришло время научиться… отвечать,— прозвучал в его сознании голос Наставника. *— До сих пор твоё вмешательство было пассивным — настройка, гармонизация. Но долг Стража не в одном лишь наблюдении. Он в защите. И защита иногда требует активного действия»*.

Виктор почувствовал, как внутри всё насторожилось. «Активное действие» в контексте древней магии звучало и заманчиво, и пугающе.

«Забудь всё, что ты знал о защитных заклинаниях, — продолжил Гримуар. — Щиты, барьеры, отражающие поля — всё это грубые, примитивные методы, годные лишь для клокочущей, необузданной магии твоего времени. Они подобны тому, чтобы приставить к больному органу железную пластину, надеясь, что она остановит болезнь. Наша защита иная. Она не противостоит силе напрямую. Она… перенаправляет, растворяет, преобразует. Она лечит саму причину агрессии, убеждая реальность вокруг, что атаки быть не должно».

Страницы Гримуара перелистнулись, и в воздухе над книгой засветилась трёхмерная, сложный диаграмма. Это была схема того самого учебного узла, с которым Виктор ра-

ботал последние недели.*«Представь, что в эту точку, — один из участков схемы вспыхнул алым, — направлен сфокусированный луч разрушительной энергии. Обычный маг поставил бы щит. Ты же поступишь иначе. Ты используешь своё знание структуры. Ты найдёшь ближайший стабильный* ***«Канал Перераспределения»*** *и создашь ментальный «скат», невидимую наклонную плоскость, которая не станет принимать удар на себя, а мягко соскользнёт его энергию в этот канал, где она рассеется без вреда. Или… ты найдешь в самой структуре атаки её внутренний резонанс и, послав крошечный контр-импульс, заставишь её саморазрушиться до контакта с целью. Это не блокирование. Это хирургия боя»*.

Виктор слушал, заворожённый. Это была та самая философия, которую он интуитивно применял в дуэли с Элиасом, но возведённая в абсолют и подкреплённая глубинным пониманием.*«Это первый из аспектов, который я назвал «специализацией» —* ***«Активная Гармонизационная Защита»****. Её принципы ты будешь осваивать весь второй год. Но помни: это лишь инструмент. Самый опасный инструмент в твоих руках, ибо неправильное его применение может нанести Печати больший урон, чем любая внешняя атака. Завтра мы начнём с простейших симуляций. А сегодня… отдохни. Перевари услышанное»*.

Голос умолк. Виктор остался один на один с сияющей схемой в воздухе и бурлящими мыслями. Первый год превратил

его из ученика в понимающего диагноста. Второй, судя по всему, должен был превратить его в… защитника. Не солдата, стоящего на стене, а скорее, иммунную систему гигантского, живого организма по имени Стирод.

Он посмотрел на свои руки. Они не выглядели сильнее. Но внутри них теперь жило знание, способное перенаправлять реки силы и разбирать враждебные заклинания на безвредные составляющие. Он чувствовал не гордость, а тяжелую ответственность. И смутное предчувствие, что обучение защите — лишь первый шаг к чему-то гораздо более масштабному и пугающему, что ждёт его в конце этих десяти лет.

Второй субъективный год начался не с теории, а с боли.

Гримуар не стал долго объяснять принципы **«Активной Гармонизационной Защиты»**. Он просто создал в тренировочном секторе Пещеры первого противника.

Он материализовался не из ничего, а будто *проступил*из самой тени за сияющим узлом, исказив вокруг себя свет. Это не было чудовищем в привычном смысле. Это был сгусток двигающегося отсутствия — фигура, напоминающая тощего гончего пса, но сотканная из струящегося, мерцающего черного дыма. Вместо глаз — две точки холодного, не отражающего света. *Тварь-Тень.*Виктор почувствовал её ещё до того, как увидел — волну ледяного, высасывающего тепло голода, направленную на его жизненную силу.

«Отрази,»— прозвучал единственный мысленный приказ

Гримуара.

Тварь ринулась беззвучно. Виктор, вспоминая принципы, активировал *Внутреннее Зрение*. Он увидел не тело, а паттерн — пульсирующий, нестабильный узел деструктивной гармонии, вцепляющийся щупальцами-резонансами в структуру реальности вокруг него, чтобы отравить и поглотить. Инстинктивно он попытался создать «скат», перенаправить атаку. Но его ментальный толчок, предназначенный для перенаправления энергического потока, встретил не поток, а *вакуум*, всасывающую воронку. Его собственная сила рванулась навстречу твари, усиливая её. Ледяные когти тьмы прошибли его эфирную защиту и впились в плечо. Боль была не физической, а экзистенциальной — ощущение, будто частичку его самого, его памяти о тепле, вырвали и стерли в ничто. Он вскрикнул и откатился, знак на руке вспыхнув тревожным багровым светом.

Тварь растворилась. *«Ошибка первая: ты пытался работать с её энергией. У неё нет энергии в твоём понимании. У неё есть аппетит. Ты не можешь перенаправить голод. Ты должен убедить пространство между вами, что оно насыщено и непригодно для поглощения. Создай иллюзию полноты там, где она хочет найти пустоту.»*

Второй противник появился через несколько часов, когда Виктор едва оправился. Он выглядел как россыпь серебристых, острых как бритва кристаллов, парящих в воздухе и издающих пронзительный, сводящий с ума звон. *Кристал-*

лический Рой. Каждый кристаллик резонировал на своей частоте, создавая какофонию, которая дробила мысль и разрывала магические построения. Атака была звуковой, но направленной не на уши, а на саму связность заклинаний.

На этот раз Виктор попытался найти в какофонии основной диссонанс и погасить его контррезонансом, как его учили гасить «шум» в Печати. Он сосредоточился на самом громком, раздражающем тоне и послал ему навстречу мысленный импульс противоположной волны. На мгновение звук смолк. А затем вся россыпь кристаллов синхронизировалась и ударила сконцентрированным лучом чистого диссонанса прямо в его незащищённое сознание. Мир поплыл, из носа хлынула кровь. Он рухнул на колени, сжимая голову руками.

«Ошибка вторая: ты воспринял симптом как причину. Самый громкий звук — не источник, а следствие. Источник — это паттерн взаимодействия между всеми кристаллами. Ты должен был увидеть их как единую сеть, найти центральный узел синхронизации и мягко «подсказать» одному из периферийных кристаллов слегка расстроиться, чтобы разрушить общий ритм. Ты лечил боль в пальце, игнорируя сломанную руку.»

Третий противник был медленным, тяжёлым, похожим на слизня из чёрного, мерцающего подобно нефти желе. *Пожиратель Оснований*. Он не атаковал Виктора напрямую. Он подполз к стене Пещеры, к одному из второстепенных,

но стабильных узлов силовых линий, и начал… растекаться по нему. Там, где его «тело» касалось сияющего узора, свет меркнул, а камень под ним крошился в мелкий песок, будто разъедаемый сверхбыстрой энтропией. Он подрывал саму основу.

Виктор атаковал в панике, силовым импульсом, пытаясь отбросить существо. Импульс прошёл сквозь него, как сквозь густой дым, не причинив вреда, но нарушив на миг его концентрацию. Слизень лишь на мгновение остановился, а затем продолжил свою работу с удвоенной жадностью. *«Ошибка третья, самая глубокая: ты сражался с формой, а не с функцией, — голос Гримуара звучал устало. — Это существо — не зверь. Это процесс. Олицетворённый ускоренный распад. Ты не можешь ударить процесс. Ты можешь изменить условия, в которых он протекает. Его «пища» — переход упорядоченной структуры в хаос. Нужно было не отталкивать его, а временно «закрепить» участок узора, над которым он работает, сделать его для существа «невкусным», слишком стабильным для быстрого распада. Лишить его питания.»*

Недели превратились в месяцы. Парад ужасов продолжался. Появилась *Искажающая Зеркальность*— тонкая, как плёнка, сущность, которая копировала его собственные защитные импульсы и возвращала их ему вдвое усиленными, заставляя биться с отражением самого себя. Появились *Невидимые Пиявки*, высасывавшие не энергию, а само время

из области вокруг него, замедляя его реакции до полусонной немоты. Каждая сущность была уроком, воплощённым в самом опасном учебном пособии.

С каждым провалом, с каждой мучительной «ошибкой», которую разбирал Гримуар, Виктор по крупицам отказывался от инстинктивного, человеческого восприятия угрозы. Он перестал видеть монстров. Он начал видеть аномалии.

Тварь-Тень стала для него не хищником, а «зоной активного энтропийного всасывания».Кристаллический Рой — «самоподдерживающейся резонансной петлей деструктивной частоты».Пожиратель Оснований — «каталитическим процессом ускоренного распадного перехода».

Его защита перестала быть набором действий. Она стала языком, на котором он общался с самой тканью реальности вокруг него. Чтобы остановить «всасывание», он не атаковал, а насыщал пространство вокруг себя «воспоминанием» о плотности и полноте, обращаясь к памяти камня и воздуха. Чтобы разбить «резонансную петлю», он находил в ней самое слабое звено и вносил крошечную дисгармонию, заставляя петлю саму себя разрывать. Чтобы замедлить «каталитический процесс», он укреплял связь между молекулами своей волей, делая их временно невосприимчивыми к распаду.

К концу второго субъективного года, когда в тренировочном секторе материализовался гибридный противник, сочетавший в себе свойства нескольких аномалий, Виктор не бросился в бой. Он замер, его *Внутреннее Зрение* работало на

пределе, раскладывая сложный паттерн угрозы на составляющие. Он видел не чудовище, а переплетение опасных процессов.

И затем он начал «разговаривать» с реальностью. Одним движением мысли он убедил воздух перед «зоной всасывания» стать вязким и «невкусным». Другим — внёс контрритм в «резонансную петлю», заставив её захлебнуться. Третьим — на миг «заморозил» структурные связи в зоне действия «катализатора», лишив его пищи.

Сущность, не получая ожидаемого отклика, не встретив ни сопротивления, ни энергии для поглощения, просто… распалась. Не от мощного удара, а от отсутствия точки приложения. Она исчезла, как мыльный пузырь, лопнувший оттого, что к нему не прикоснулись.

Виктор стоял, тяжело дыша, но не от усталости, а от концентрации. На его теле не было новых шрамов. *«Приемлемо, — прозвучал голос Гримуара, и в нём впервые за долгое время прозвучало что-то, отдалённо напоминающее одобрение. — Ты наконец-то перестал драться. Ты начал понимать. Это основа. Но помни: здесь они были симулякрами, слабыми эхо. То, что ждёт с той стороны, не будет иметь формы, которую можно разобрать на части. Оно будет иметь только голод. И на его фоне эти уроки покажутся детской игрой. Отдыхай. Завтра мы начнём изучать, как защищать не себя, а саму Печать от подобных… аномалий. Это и будет твоей истинной специализацией, Виктор. Не бой, а хи-*

ргия на теле мироздания.»

Третий год в Пещере начался с смены парадигмы. Если второй год научил Виктора защищать себя как точку в пространстве, то теперь Гримуар поставил перед ним задачу куда более масштабную и ответственную: стать щитом для самой Печати.

«До сих пор ты учился отводить угрозу от себя, — прозвучал в его сознании голос Наставника. — Теперь ты будешь учиться принимать удар вместо неё. И не просто принимать, а нейтрализовать его так, чтобы не дрогнула ни одна линия узора».

Тренировочный сектор преобразился. Теперь в его центре сияла не просто схема, а сложная, автономная модель фрагмента Печати — живая, дышащая миниатюра, со всеми слоями, потоками и уязвимостями. И противники приходили уже не за Виктором, а за ней.

Первым из новых кошмаров стал *Хронофаг*. Он не имел формы в привычном смысле — это была область искажённого восприятия, похожая на мерцающий мираж. При его появлении время внутри тренировочного сектора начинало течь неравномерно: вокруг модели Печати оно ускорялось в сотни раз, вызывая неестественный износ и «усталость» силовых линий, в то время как сам Виктор оказывался в пузыре замедленного времени, едва способный пошевелить рукой. Атака была направлена не на разрушение, а на преждевременное старение защиты.

Первая реакция Виктора — попытка стабилизировать время вокруг себя — провалилась. Его воля наталкивалась на скользкую, неструктурированную аномалию. Гримуар, как всегда, нашёл суть ошибки: «Ты борешься с симптомом. Хронофаг питается градиентом — разницей в скорости времени. Убери разницу — лишишь его пищи».

Решение оказалось элегантным и безумно сложным. Вместо того чтобы выравнивать время во всём объёме (что требовало невероятной силы), Виктор научился создавать временные **«Мостики Согласования»**. Он находил точку на границе ускоренной зоны, и своей волей, обращаясь к самой концепции длительности, «напоминал» времени в этой точке, что оно должно течь синхронно со временем в соседней, здоровой области. Постепенно, создавая такие мостики по периметру, он сжимал аномалию, лишая её контраста, пока та не схлопывалась сама в себе с тихим хлопком.

Следующим испытанием стала *Миметическая Плазма*. Это существо выглядело как лужа ртути, но обладало жутким свойством: при контакте с силовым потоком Печати оно не поглощало его, а начинало ему подражать, встраиваясь в узор и искажая его изнутри, создавая «раковую опухоль» в теле защиты. Атака была тонкой, подлой, почти незаметной до тех пор, пока фрагмент не начинал работать против себя самого.

Виктору пришлось развить в себе не просто чувствительность, а **«Иммунный отклик»**. Он учился сканировать не

состояние узора, а его *чистоту*. Как только в знакомой гармонии возникал чужеродный, пусть и идеально подстроенный обертон, он мгновенно реагировал. Но не разрушал плазму силой — это повредило бы и сам узел. Вместо этого он применял **«Принцип изгнания через тождество»**. Он усиливал истинный, чистый сигнал узора в тысячи раз, «заглушая» имитацию, а затем мягко вытеснял чужеродный элемент к краю системы, где тот, лишённый возможности копировать, терял структуру и рассыпался в инертную субстанцию.

Но самым трудным, что довелось испытать Виктору на третьем году, стал *Астральный Каннибал*. Эта сущность была призрачной, едва различимой даже для Внутреннего Взора. Она не атаковала Печать напрямую. Она атаковала *связь* между Печатью и Виктором. В момент, когда он углублялся в созерцание узора, пытаясь его защитить, Каннибал впивался в тончайшие нити его внимания и начинал пожирать сам акт восприятия, замыкая сознание Виктора в петлю самоанализа и отрезая его от объекта защиты. Он боролся с пустотой, теряя сам смысл своего присутствия.

Победить это существо можно было только *абсолютной пустотой намерения*. Виктору пришлось научиться действовать, не думая о действии, защищать, не концентрируясь на защите. Он превратил своё сознание в зеркало: воспринимал угрозу, но не давал ей за что ухватиться. Когда Каннибал атаковал, он просто «отключал» тот канал восприятия, пере-

ключаясь на другой, оставляя сущность «голодной» в потухшем следе своего внимания. Это был высший уровень ментальной дисциплины, граничащий с просветлением.

К концу третьего субъективного года тренировочный сектор превратился для Виктора в арену, где он был не воином, а виртуозным реставратором и иммунологом. Он уже не видел монстров. Он видел патологии. Хронофаг — патологию временного континуума. Миметическая Плазма — патологию информационной чистоты. Астральный Каннибал — патологию сознания. И для каждой у него был свой, изощрённый, почти незаметный со стороны метод «лечения».

В день, который по внутреннему отсчёту Виктора был последним днём года, Гримуар не послал нового противника. Модель Печати в центре сектора сияла ровным, нетронутым светом.«Ты усвоил принципы, — раздался мысленный голос, в котором звучала непривычная серьёзность. — Ты научился защищать идеальную модель в контролируемых условиях от известных тебе аномалий. Но реальность, Виктор, неидеальна и непредсказуема. Печать, которую ты охраняешь, имеет изъяны — те что призваны изолировать стражи. И то, что может прийти через неё, будет уникальным, синтетическим кошмаром, сочетающим в себе всё, с чем ты сталкивался, и то, с чем ты не сталкивался».

Виктор замер, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Год изнурительных тренировок вдруг показался ему лишь разминкой.

«Завтра, — объявил Гримуар, и его слова повисли в сияющем воздухе обещанием настоящего испытания, — будет экзамен. Я смоделирую фрагмент Печати со слабым местом, максимально приближенным к реальной ситуации. И отправлю в него не учебную аномалию, а связный, разумный пакет угроз, имитирующий то, что могло бы родиться из подобного повреждения. Твоя задача — диагностировать слабое место, отразить атаку и стабилизировать фрагмент. Не сделать это — значит показать, что ты не готов к тому, что ждёт тебя снаружи. А неготовность Стража равносильна смерти мира. Отдыхай. Тебе понадобятся все твои силы».

Голос смолк. Виктор остался один в немом сиянии Пещеры, но тишина теперь была громовой. Весь накопленный за три года опыт, вся боль, все прозрения — всё это сводилось к одному завтрашнему дню. К одному экзамену. Он посмотрел на свои руки, которые за три субъективных года стали руками мастера, но теперь снова почувствовал в них дрожь новичка, стоящего перед пропастью настоящего дела. Завтра он перестанет быть учеником. Или поймёт, что никогда им и не был.

Глава 10 Экзамен на Разложение

На следующий день Пещера встретила пробудившегося Виктора, напряжённым молчанием. Воздух над тренировочным сектором дрожал, словно от жара. В центре сиял фрагмент Печати — не идеальная модель, а копия участка. Она пульсировала тусклым, больным светом.

«Начинай наблюдение. Атака начнётся в любой момент», — мысленно предупредил Гримуар, и его присутствие в сознании Виктора стало отстранённым, холодным, как у бесстрастного экзаменатора.

Виктор активировал Внутреннее Зрение и Эхо-отслеживание, сканируя слабое место. Он видел не просто печать, а сложный клубок искажённых вибраций — точка максимальной уязвимости, магнит для всего, что жаждет прорваться. Он приготовился ко всему, чему научился: к хронофагам, мимикрии, атакам на сознание.

Тварь, которая материализовалась, заставила его кровь похолодеть. Она была составной. Её ядро напоминало сгусток чёрных, медленно вращающихся кристаллов (Кристаллический Рой), но каждый кристалл искажал пространство вокруг себя, создавая микровихри ускоренного времени (Хронофаг). А вокруг этого ядра струилась полупрозрачная плёнка, безупречно копирующая сияние самой Печати, пытаясь «прилипнуть» к ней (Миметическая Плазма). Это был

гибридный кошмар, синтетическое оружие.

«Распадающийся Хоралус», — мелькнуло название в сознании Виктора от Гримуара, без пояснений.

Хоралус не стал медлить. Он атаковал не Виктора, а печать. Кристаллы завыли какофонией, которая не просто дробила мысль, но и ускоряла метаболизм магии в самой трещине, заставляя её «гнить» с неестественной скоростью. Плазменная оболочка тут же начинала подражать этому процессу гниения, вплетая его в узор, пытаясь сделать необратимым. Это была атака на уничтожение через ускоренную коррупцию.

Виктор действовал, подавляя панику. Он разложил атаку на составляющие, как учили. Против резонансной какофонии он запустил контрритм, найдя ключевой диссонанс в сердцевине роя. Против временного ускорения вокруг трещины он начал возводить «Мостики Согласования», стабилизируя ход времени. Против мимикрии он усилил чистый сигнал здоровой части узора, чтобы отторгнуть плазму.

Работа шла. Какофония ослабевала, временные аномалии сжимались, плазменная плёнка отслаивалась. Напряжение на лице Виктора сменялось сосредоточенной уверенностью. Он побеждал. Он справлялся с этой сложной, но понятной угрозой.

И в этот момент, когда казалось, что Хоралус вот-вот рассыплется, произошло немыслимое.

Центральное ядро, сжатое до размера кулака, не исчезло.

Оно взорвалось. Но не энергией — тихим, почти беззвучным распадом на десятки одинаковых, меньших по размеру сгустков. Каждый из этих осколков, едва отделившись, тут же оброс своей собственной, уникальной аномалией. Один замерцал, начиняя пространство вокруг ледяным страхом (эффект Астрального Каннибала, но направленный вовне). Другой начал высасывать не время, а цвет и смысл из сияния Печати, оставляя после себя серую пустоту. Третий стал бесшумно множиться, как вирус, создавая свои микроскопические копии, которые тут же кидались на малейшие сбои в узоре.

Это был не прорыв обороны. Это была эпидемия. Из одной сложной, но единой угрозы родился рой разнородных, стремительно эволюционирующих патологий, каждая из которых атаковала по-своему. Они не просто нападали — они кооперировались. Тварь, высасывающая смысл, ослабляла участок узора, и туда сразу внедрялся мимикрирующий вирус, чтобы закрепиться. Волна страха дезориентировала Виктора на долю секунды — и этого хватало, чтобы сеятель энтропии успевал «прожевать» ещё одну силовую линию.

Виктор запаниковал. Он метнулся от одной угрозы к другой, пытаясь применить уже отработанные приёмы. Он гасил один резонанс — и тут же возникало два других. Он стабилизировал время в одной точке — и в трёх соседних оно тут же спирально закручивалось. Его сознание, настроенное на анализ и точечное воздействие, захлёстывал хаос. Он был

одним человеком против разумной, адаптивной чумы, растекающейся по самой Печати.

— Наставник! — мысленно крикнул он, отчаянно отбиваясь. — Что делать? Это… это вне правил!Молчание. Глухое, всепоглощающее. Гримуар не отвечал. Не подсказывал. Не вмешивался.Это молчание было страшнее любого чудовища. Оно означало, что экзамен продолжается. И что это — часть испытания.

Осознание ударило, как обухом по голове. Правил нет. Там, в реальности, у трещины в подвале, не будет учебных сценариев. Угроза будет адаптироваться, мутировать, находить самые неожиданные пути. Его алгоритмические, отточенные за три года решения — бесполезны против хаотичного, живого зла.

Виктор замер, прекратив метаться. Он позволил панике отхлынуть, в последний раз цепляясь за свой якорь — образ упрямого порядка в мастерской. Но на сей раз он думал не о порядке действий, а о порядке принципов. Он не может победить каждую тварь по отдельности. Их слишком много, и они слишком разные. Но что, если… они все ещё часть чего-то одного? Что, если этот рой — не множество угроз, а единый, распределённый организм? Организм, цель которого — не просто разрушить, а заразить и трансформировать Печать?

Он перевёл дух, игнорируя ледяные щупальца страха, снующие вокруг, и жужжащую тучеву микро-вирусов. Он снова

погрузил сознание в саму трещину, но теперь искал не уязвимости, а… паттерн заражения. Как болезнь распространяется по телу? По каналам. По линиям наименьшего сопротивления.

И он его увидел. Не глазами, а пониманием. Все эти разнородные аномалии были связаны тончайшими, едва видимыми нитями искажённой энергии, исходящими из эпицентра первоначального взрыва. Это была не армия. Это была нервная система единого паразита, расползшегося по фрагменту.

У него не было силы бороться с каждой конечной веточкой. Но у него была возможность ударить по центру, центру нервной системы.

Он собрал всю свою волю, всё своё понимание гармонии и, вместо точечных атак, обрушил её на сам эпицентр распада — на то крошечное, почти невидимое ядро, от которого тянулись все эти нити. Но он не атаковал его силой. Он совершил нечто, чему его не учили напрямую, но что стало синтезом всех уроков. Он предложил ядру альтернативную реальность.

С бешеной скоростью мысли он смоделировал для этого ядра идеальную, законченную, самодостаточную форму существования — не как паразита, а как замкнутую, вечную кристаллическую структуру, не нуждающуюся во внешней энергии, в заражении, в росте. Он не подавлял его природу — он предлагал ей эволюционировать в тупиковую, но со-

вершенную ветвь. Он убеждал саму суть аномалии, что её истинное, высшее предназначение — не расползаться, а законсервироваться.

На миг всё замерло. Затем нити, связывающие рой, дрогнули. Микро-вирусы остановились в полёте. Волна страха застыла. Осколки, высасывающие цвет и смысл, начали… светиться ровным, инертным светом. Ядро в центре, вместо того чтобы сопротивляться, начало сжиматься, уплотняться, превращаясь в идеальный, тёмный, абсолютно стабильный многогранник. Безвредный. Мёртвый для своих целей.

Рой рассыпался не взрывом, а тихим угасанием, как погасший фейерверк. Через несколько секунд на месте эпидемии остался лишь странный, чёрный кристалл, лежащий у подножия слегка потрёпанного, но стабильного фрагмента Печати.

В ушах Виктора стояла оглушительная тишина. Он тяжело дышал, дрожа от колоссального напряжения.

«…Принято,» — наконец прозвучал в его сознании голос Гримуара. В нём не было ни похвалы, ни порицания. Была лишь констатация факта, смешанная с глубокой, непроницаемой усталостью. «Ты понял главное: истинный враг — не форма, а намерение. И иногда защита — это не отражение, а… перевоспитание. Экзамен сдан. Отдыхай. Завтра мы поговорим о том, что ждёт тебя дальше. Теперь ты готов это услышать».

Виктор кивнул, едва слышно выдыхая. Дрожь в руках

медленно утихала, сменяясь глубокой, костной усталостью. Он сделал шаг к потрёпанному, но выстоявшему фрагменту Печати, чтобы провести финальную диагностику, и его взгляд упал на то, что осталось на месте эпицентра распада.

Там, среди слегка опалённого энергией камня, лежал тот самый чёрный кристалл-многогранник. Он был размером с голубиное яйцо, абсолютно тёмный, но не матовый. Его грани, идеально ровные, казалось, втягивали в себя свет из окружающего пространства, отчего создавалось ощущение глубины и пульсации. Он не излучал угрозы. Напротив, от него веяло странной, леденящей… завершённостью.

Осторожно, почти неосознанно, Виктор протянул руку и подобрал его. Кристалл был холодным, как лёд вечной мерзлоты, и невероятно плотным для своего размера. В ладони он казался тяжелее свинца.

«Любопытный артефакт, не так ли?» — мысленно произнёс Гримуар, и его голос снова приобрёл оттенок учителя, а не экзаменатора. «Ты нейтрализовал угрозу, убедив её самоизолироваться. Но энергия, структура, информация, из которых она состояла, никуда не делись. Они просто… перешли в иное, стабильное состояние. Это редкость.»

— Что это значит? — спросил Виктор, поворачивая кристалл так, чтобы свет скользнул по его идеальным граням.

«Это значит, что не всегда в схватке с эманациями Пустоты ты только тратишь силы. Иногда… очень редко… происходит своеобразный обмен. Ты отнимаешь у них нечто, что

они сами украли у реальности или что является продуктом их уродливого, но всё же существования. Этот кристалл — концентрированная энергия. Энергия высочайшего порядка, но запечатанная, изолированная. Неиспорченная, потому что ты не разбил её силой, а трансмутировал волей.»

Виктор сжал кристалл в кулаке, чувствуя его холод сквозь кожу. «И что с ним можно сделать?»

«Теоретически… впитать. Использовать как источник силы, не отягощённый энтропией твоего мира. Как ключ к пониманию иных принципов устройства. Но как это сделать правильно, без риска самому заразиться той инерцией законченности, которой ты её наделил… это отдельная, очень сложная наука. Одна из тех, что я обещал тебе позже. Не сейчас. Ты и так перегружен.»

Гримуар помолчал, будто оценивая находку. «Пока что храни его. Но не при себе. Его природа… чужда. Она может незаметно влиять на твои собственные энергетические процессы. Помести его в Ключ-Сундук. Там, среди прочих реликвий, он будет в безопасности и под присмотром.»

Виктор ещё мгновение смотрел на тёмный многогранник, чувствуя смесь отвращения и странного любопытства. Это был трофей, вырванный у самого хаоса. Символ его первой настоящей победы не как ученика, а как Стража. Он разжал кулак и направился к пьедесталу, где на чёрном бархате рядом с Гримуаром стоял тот самый сундук.

Он провёл рукой по сложной серебряной инкрустации на

крышке, пока не нашел едва заметное углубление. Достав из складки своей простой одежды тот самый ключа-талисмана, который был материализован гримуаром для удобства Виктора, он вставил его в скважину, проступившую под пальцами, словно из ниоткуда. Раздался глухой, точный щелчок — не магический, а вполне механический звук отпираемого древнего и надежного замка. Крышка сундука приподнялась с тихим скрипом забытых петель, и Виктор откинул ее.

Внутреннее пространство, выложенное чёрным бархатом, все еще казалось больше, чем позволяли внешние размеры. Лежащие там предметы не излучали активной силы, но от них веяло немой историей: несколько потускневших свитков в прочных футлярах, странный кристаллический жезл, серебряная чаша с выщербленным краем, ампулы из темного стекла. Молчаливые свидетели и, возможно, трофеи предыдущих Стражей, чьи судьбы канули в лету.

Виктор задержал взгляд на этом скромном наследии, затем разжал ладонь. Чёрный кристалл, холодный и невероятно плотный, лежал на его потрепанной коже. Он бережно опустил его в сундук, на свободное место рядом с потускневшей чашей. Кристалл лег беззвучно, словно капля абсолютной тьмы, впитывающая в себя отсветы бархата.

Он почувствовал, как едва уловимое давление, тяготившее его с момента победы, рассеялось, поглощенное нейтральной аурой этого места хранения. Угроза была не уничтожена, но надежно изолирована. Крышку сундука он за-

крыл с тем же мерным, физическим усилием, повернув ключ в замке. Звук щелчка прозвучал как точка, поставленная в сегодняшнем испытании.

Стоя перед запечатанным сундуком, Виктор впервые за долгие субъективные годы ощутил не только тяжесть знаний, но и вес истории, лежащей на его плечах. Впереди был разговор о том, «что ждёт дальше». Но теперь, помимо умений, у него был и этот странный трофей — вещественное напоминание о том, что победа над Пустотой может оставлять после себя не только раны, но и загадки, требующие новых ключей для их разгадки.

Утро в Пещере не было отмечено ни рассветом, ни пением птиц. Его отсчитывали лишь собственные биоритмы да мерный, вечный гул Печати. Виктор открыл глаза, и сознание, отточенное годами тренировок, мгновенно прояснилось, отбросив остатки усталости после вчерашнего экзамена. Перед ним на пьедестале лежал Гримуар, его страницы были раскрыты на чистом листе.

«Ты выдержал испытание на защиту. Поздравляю, — прозвучал голос Наставника, но в нём не было праздности. Была деловая, собранная серьёзность. «Но сегодня мы начинаем новую главу. Главу, которую многие Стражи прошлого пытались пропустить или недопонимали. Главу о наступлении.»

Виктор насторожился. Всё его обучение до сих пор вращалось вокруг созерцания, гармонизации, защиты. Сама идея «наступления» казалась чужеродной в этом месте вечного

охранения.«Наступления? На что? На Пустоту? Но она же… бесформенна, это антитезис. Как можно атаковать отсутствие?»

«Вот именно потому многие и оставались лишь сторожами у стены, — в голосе Гримуара прозвучала холодная резкость.

«Они видели свою роль как статичную. Как будто долг Стража — вечно затыкать дыры в плотине, пока не хлынет потоп. Но есть иной путь. Путь паладина. Не того, что слепо мечет огненные шары, а того, кто идёт в самое сердце тьмы, чтобы исцелить болезнь в её зародыше. Ты научился диагностировать и лечить симптомы на Печати. Теперь ты научишься диагностировать и лечить саму причину этих симптомов — в том месте, откуда они исходят.»

Страницы Гримуара засветились, и перед Виктором возник образ — не плоская диаграмма, а сложная, трёхмерная мандала, изображающая Печать как точку соприкосновения двух сфер. Одна сфера сияла упорядоченным узором силовых линий (Стирод), другая представляла собой клубящийся, лишённый формы хаос (Пустота). В месте их соприкосновения и была Печать. И от хаотической сферы к упорядоченной тянулись тонкие, ядовитые щупальца — зарождающиеся аномалии.«Защита — это отсечение щупалец у самой стены. Атака, о которой я говорю, — это движение вдоль щупальца к его источнику в Пустоте и… нейтрализация этого источника.»

Идея была одновременно грандиозной и безумной. Войти в саму Пустоту? Пусть даже мысленно, проекцией?«Но это же самоубийство! Сознание растворится в хаосе!» — мысленно воскликнул Виктор.

«Растворится у того, кто попытается бороться с хаосом его же методами — грубой силой или страхом. Но ты научился другому. Ты научился не бороться, а понимать. Искать структуру в бесструктурном. Находить слабый, едва уловимый ритм в какофонии. Атака древних — это не взрыв. Это точечное, сверхточное вмешательство. Это умение, обнаружив зарождающуюся аномалию, проследить паттерн её зарождения назад, к «семени», и убедить это семя, что его естественное состояние — не рост, а покой. Или перенаправить его энергию в самоуничтожение.»

Гримуар назвал это «Обратным Прослеживанием» и «Причинным Вмешательством». Это должен был стать фокус обучения на четвёртый и пятый год.

Гримуар позволил этим словам повиснуть в сияющем воздухе, дав Виктору осознать их вес. Затем голос в его сознании зазвучал снова, уже как урок, а не объявление.

«Обратное Прослеживание» — это не слежка. Это — понимание родословной зла.Каждая аномалия, каждое щупальце Пустоты, пытающееся прорваться, имеет свою точку зарождения. Не просто место, а первопричину — сгусток искажённой потенции, «семя» дисгармонии в теле хаоса. Твоя задача будет научиться, узрев уже проявившуюся угрозу на

Печати, мысленно пройти по её «корню» вспять, сквозь барьер миров, и найти это семя. Для этого тебе потребуется не сила, а абсолютная чуткость. Умение отличить уникальный, извращённый узор конкретной угрозы от общего фонового шума небытия. Это как найти единственную ядовитую иголку в стоге сена, который к тому же постоянно движется и кричит.

Образ в воздухе сменился: теперь от щупальца, впившегося в Печать, тянулась назад, в хаос, тончайшая, мерцающая нить.

«Ты будешь учиться чувствовать эту нить. Сначала она будет рваться. Ты будешь теряться. Это нормально. Но к концу четвёртого года ты должен будешь уметь находить источник любой учебной аномалии с закрытыми глазами.»

«Причинное Вмешательство» — это не атака. Это — хирургия реальности на клеточном уровне.

«Найти семя — полдела. Нужно его нейтрализовать. Но как уничтожить то, что является частью хаоса? Ты не сможешь. Но ты сможешь его… переубедить.»

Образ снова изменился. Теперь вокруг ядовитого «семени» в Пустоте возникали призрачные схемы.

«Вместо грубого удара, который лишь взбаламутит Пустоту и родит новое зло, ты будешь применять точечное воздействие. Подобно тому, как ты убедил кристалл стать замкнутым, ты научишься:

1. Вносить контр-резонанс: Найдя частоту

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.